

18+

Светлана Лучинская

Водопад ЖИЗНИ

Светлана Лучинская

Водопад жизни

«Издательские решения»

Лучинская С.

Водопад жизни / С. Лучинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932758-1

Любовь — это слияние душ, найти ее — значит прикоснуться к вечности. Между разбойником не по призванию и женщиной, которой судьба запрещала любить, возникает сверхчеловеческая любовь. Это чувство преобразует обоих, меняя их прежние представления о себе.

ISBN 978-5-44-932758-1

© Лучинская С.
© Издательские решения

Содержание

БЕЛОРУССКИЙ МОТИВ ИЛИ МИРАЖ	6
ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	13
ГЛАВА III	20
ГЛАВА IV	27
БЕГ ПО КРУГУ	35
ГЛАВА I	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Водопад жизни

Светлана Лучинская

© Светлана Лучинская, 2025

ISBN 978-5-4493-2758-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями чистая случайность.

БЕЛОРУССКИЙ МОТИВ ИЛИ МИРАЖ

Часть 1

ГЛАВА I

Уже вторую неделю я сижу одна и жду важного звонка. Дети разъехались, кто куда. Тянутся августовские дни, липкие, тягучие как само ожидание и сводят меня с ума.

Два с половиной месяца, как мы в Петербурге. Чтобы комната не казалась чужой, я повесила на окно шторы, которые кочуют вместе со мной. В углу подоконника стоит иконка, с которой я никогда не расстаюсь. Мне кажется, что она бережет меня и тонкой ниточкой связывает с прошлым, от которого я убежала в надежде на лучшую жизнь.

Маленькая иконка временами темнеет, и только один раз мне почудился от нее свет. Я чувствую какую-то внутреннюю связь с ней, словно она отзывается на события моей жизни. Сейчас изображенный на ней лик смотрел печально, и мне не спалось.

«Прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» – эти слова красным светом вспыхивали в моем сознании, но я отгоняла их как назойливых мух. Все кончено, я начинаю с чистого листа!

Бессонная ночь сменилась зыбким сном только под утро. Сон и явь перемешались. Сквозь окно проникали назойливые звуки сигнализации и надрывали мне сердце, а потом вдруг превратились в резкий звонок. Я вскочила, схватила телефонную трубку и ещё в полусне слышала голос мамы:

– Крепись дочка.

– Что? Какой ужас!

Моя память машинально отметила – 6 утра, 12 августа, 2003 года. Я скользнула обратно под одеяло, накрылась с головой, съёжилась, спряталась от этой ужасной вести, меня лихорадило. Умерла тётя Кира. Может быть, это сон? Кто угодно, только не она – жизнелюбка, не знающая усталости. Часа два продолжалась агония моего неверия.

Потом наступил день. Произошло событие. Оно незримо расставило все по своим будущим местам. Я уже знала, что не улечу в Шотландию. Просто не смогу жить там с чувством вины, если не провожу в последний путь тётю – свою вторую мать. Знала, что через три часа должна сидеть в поезде.

Первые десять минут я бестолково металась по комнате в страхе, что не успею, времени в обрез. Наконец, взяла себя в руки, позвонила в клуб «Дискавери» и отложила поездку на две недели – если бы я знала, что пересечь границу Великобритании простому смертному сложнее, чем попасть на Луну.

Позвонила сестра Аня с Витебского вокзала. Через двадцать минут она уедет на прямом Брестском поезде, а я едва успею в Минск, чтобы пересестись на электричку до Барановичей.

Почти пустая дорожная сумка казалась полной кирпичей. Сын уже ждал у банка. От духоты и волнения драгоценные купюры прилипали к рукам.

– Скорей, сынок, я не переживу, если не уеду сейчас.

Плацкартных мест не было, и пришлось выложить в три раза большую сумму в фирменный вагон типа СВ.

– Не хило, – заметил Илья, обводя взглядом купе.

На верхних полках живописной горкой лежало белоснежное белье, веером стояли накрахмаленные полотенца. На столе – две бутылки белорусского пива, баночка какой-то супер воды, печенье и вафли.

Я была близка к голодному обмороку.

– Как, оказывается, быстро устаёшь от плохих новостей и спешки.

– Жарко, пить охота, – Илья потянулся за пивом.

– Обойдёшься. Оно скрасит мои печальные мысли.

Поезд тронулся, и сын помахал мне с перрона. Я сидела не шелохнувшись. В купе никого, класс люкс в полном одиночестве. Будто нарочно мне открывался контраст между приятной, комфортной жизнью и смертью, которая не укладывалась в голове.

Я встрепенулась, когда вошла проводница. Молодая темноволосая девушка в форме взяла у меня билет и спросила:

– Будете брать сухой паек или горячее питание?

– В каком смысле? – не поняла я.

– Ужин входит в стоимость билета – объяснила она.

– Горячий ужин?! – глупо переспросила я.

– Так что вы берёте?

– Конечно, горячее – дошло, наконец, до меня.

– А вот это пиво и все остальное тоже входит в стоимость ужина?

– Все, кроме пива.

– А сколько оно стоит? – не унималась я.

Пиво на наши деньги стоило значительно дешевле.

– Господи, – сказала я сама себе, когда проводница вышла, – впервые в жизни я еду в роскошном вагоне с прекрасным сервисом. Тётя Кира оценила бы все это, она знала толк в комфорте.

Может быть, её душа сейчас здесь. Она ведь любила меня больше всех и сказала об этом в последнюю нашу встречу семь лет назад.

В ожидании ужина я вышла в коридор. Вокруг по-прежнему ни души.

Поезд шёл полным ходом, равномерно постукивали колеса. В пустую и чистую перспективу вагона убегала тёмно-красная ковровая дорожка, на окнах покачивались занавески с белорусским орнаментом. Этот орнамент вызывал у меня ностальгические чувства. Прошло больше двадцати лет с тех пор, как я возила в Барановичи крестить шестимесячного Илью, и единственным человеком, который связывал меня с Белоруссией все эти годы, была тётя Кира.

Часы показывали без пяти восемь. Скоро ужин. Я зашла в туалет, который сиял чистотой и был достаточно просторен. Чем ещё удивит меня этот поезд.

В купе я открыла бутылку пива и крутанула ручку радио. Мирей Матье и Шарль Азнавур пели песню «Вечная любовь» – все как по заказу. Постучала и тихо вошла проводница, поставила передо мной легкий контейнер с едой и так же бесшумно удалилась.

Несмотря на голод, я ела медленно, почти не чувствуя вкуса пищи, и глотала слезы. Мне казалось, что еду я в гости к живой тете Кире, не на похороны, а на встречу со своим прошлым. Как быстротечна жизнь, и этот шикарный ужин в уютном вагоне казались нереальными. Все растает как сон. Что же останется нам? Только прекрасные мечты и воспоминания?

От пива голова немного отяжелела. Мне всегда с удовольствием спалось в поездах, а тем более в таком. Тебя словно младенца укачивают, а колеса поют колыбельную – ничего – ничего.

В половине десятого утра показался Минск, и сердце защемило от вида знакомых башен с часами. Я с трудом узнавала город моих студенческих лет. Недалеко отсюда должен быть корпус моего химического факультета. Новый грандиозный вокзал, метро, обмен валют, что-то ещё незнакомое носилось в воздухе.

Мне было не до размышлений. Я впрыгнула в электричку за минуту до её отправления. Духота. Пронесли мороженое, я купила порцию и перешла в более свободный вагон, села у окна и стала жадно всматриваться в когда-то родную мне действительность. Вошли двое парней,

один с гармоникой, другой держал шапку, запели песню «Вологда». Странно, а что же я ожидала увидеть? Положив в шапку российский червонец, я стала смотреть на пробегающие дома и деревья.

Постепенно ветерок из окна освежил меня, и я стала вспоминать ту Белоруссию, которую покинула 26 лет тому назад. Как это получилось? Всеми виной тот нелепый скандал с отчимом в августе 1977 года, который стал последней каплей. После кошмарной ночи я встала и спокойно объявила маме:

- Я уезжаю.
- Куда, к тётке Кире? – не поняла она.
- Нет, в Куйбышев.
- Хорошо, – так же спокойно ответила она.

Я приняла окончательное решение – навсегда покинуть «этот сумасшедший дом».

Декабрь 1968 года. Улицы припорошило лёгким снежком. Ощущение новизны и радости приливающей жизни. Неужели я жива и здорова? В больницу меня отвезли с непонятным диагнозом и проверяли врачи всех отделений. Но РОЭ зашкаливало за 80 впервые в истории больницы, на 10 дней отнялись ноги, температура по утрам была выше вечерней, 40—41, и никак не сбивалась. Пенициллин не помогал. Приходила тётка Кира и растирала меня уксусом. Главврач пригласил маму в кабинет.

- Есть ли у вас ещё дети? – Он готовил её к возможной утрате.

По ночам мама задыхалась и порывалась ехать в больницу. Моё лицо стало белым, как тетрадный лист. Я обмирала, а когда приходила в себя, то видела возле себя горестное лицо мамы. Почему я так и не умерла, никто не знал. Когда с помощью каких-то уколов удалось сбить температуру, врачи пожали плечами, написали в карточке – ревмокардит и поставили меня на учёт. Вероятно, это было что-то возрастное, что с годами проходит, но втайне мне хотелось думать другое. Первое школьное чувство поразило меня такой силой и неожиданно, что я втайне приписывала ему не только причину моего выздоровления, но и болезни.

Из больницы я сразу же поехала не домой, а к тётке Кире, и с тех пор поселилась в её семье. Она жила на Третьяках, в военном городке – на другом конце города. Её муж – майор в отставке, – я называла его дядя Петя, заменил мне отца. А их дети – Игорь и Женя значили больше, чем обычные двоюродные брат и сестра. Это был совсем другой мир. Там не было деспотизма отчима, там была моя школа, которую я никогда не меняла и не собиралась менять. А главное, в этой школе был мальчик по имени Вадим, внимание которого застало меня врасплох и стало предметом постоянных мыслей.

До этого я не интересовалась противоположным полом, много читала и была большой мечтательницей.

- Ну что вы все о мальчишках, – сердилась я на трещавших всю дорогу одноклассниц.

На родительских собраниях меня хвалили за отличную учёбу и примерное поведение. Мама гордилась мной, а тётка Кира пророчила:

- Вот выучишься и станешь человеком.

Дома отчим говорил мне:

- Немтырь.

Я почти никогда с ним не разговаривала, никак не называла и считала несчастьем всей своей жизни.

– Жила бы Раиса для дочки, а то нашла себе ссыкуна (имея в виду молодость Зиновия), – вздыхала бабушка.

Любовь бабушки я ощущала с раннего детства, принимая её за маму.

Она была человеком старого закала, и этим все сказано. Трудная жизнь согнула ей спину, но не сломила дух. Её постоянные поездки на родину, в Мариуполь, независимо ни от каких

обстоятельств, многие считали причудой. Оттуда она присылала нам посылки со всякой всячиной, чаще всего с вяленой рыбой, которой там приторговывала. Только очень тяжёлая болезнь могла остановить её, но я не помню, чтобы она когда-либо серьёзно болела или обращалась к врачам.

– Рвачи, а не врачи – говорила она обычно.

– А что же ты делаешь, когда простываешь? – интересовалась я.

– Выпить 100 граммов водки, укутаться одеялом, пропотеть, и наутро все как рукой снимет. – Мне это казалось невероятным.

Смутно припоминалась картина – мы с бабушкой у моря, она греет в горячем песке свои ревматические ноги, я плещусь у самого берега, ослепительно светит солнце. Вдруг кто-то восклицает:

– Смотрите, вон граница между Азовским и Чёрным морями!

Я всматривалась в синеющую даль, но ничего не видела.

Бабушка жила поочередно у своих четырех дочерей, помогая нянчить внуков, но к концу жизни остановилась у нас. Меня до сих пор гложет чувство вины за то, что я недослушала её рассказов о жизни в старину.

Она пережила смерть пятерых детей из девяти, две войны, революцию, голод 1933 года, но не утратила достоинства, здравого смысла и добропорядочности. Её сухонькое согбенное тельце, белый ситцевый платочек на голове остались в моей памяти не только как черты любимого родного человека, но как символ старой России. Она любила рассказывать о жизни при царе, о своем отце из благородной семьи, который женился на красавице-крестьянке, о традициях в их семье и учёбе. По её словам четыре класса гимназии давали больше, нежели наши десять классов. И совсем уж прикровенно говорила о своей любви к казачьему офицеру, погибшему на фронте в Первую мировую войну.

Стоубцы, – объявили по-белорусски, и это тоже показалось новым. Столбцы – середина пути между Минском и Барановичами. На этой станции мы когда-то случайно встретились с Вадимом и вместе ехали в Минск, и я вдруг ощутила дух тогдашнего времени, вкус забытой тоски. – Интересно, какой он сейчас?

Вадим так и не стал главным человеком моей жизни, тем не менее знакомые, давно невиденные места будоражили. Я жадно начала вспоминать, раскладывая по полочкам даже самые незначительные эпизоды. Зачем мне это? Но лукавый ум пробовал вдохнуть подобие жизни в этот муляж, настроить фокус хрусталика на дальнейшее зрение, чтобы вновь увидеть мираж прошлого.

Закрываю глаза. Весна. Солнце. Во дворе перед домом зелёная лужайка. Вадим лежит на животе и покусывает травинку. Вид у него задорный и мечтательный. Мы с подружкой Иринкой проходим мимо, и он весело с нами здоровается. Я вижу его второй раз в жизни, а первый был, когда я забыла в парте свой дневник, и мы отправились за ним в школу. В тот год Вадим учился во вторую смену в классе, где мы занимались в первую. Он вышел небрежной походкой, улыбающийся, руки в карманах. Ирка зашептала мне на ухо:

– Это Павлихин, они недавно приехали из Германии. А это Валька Турко, бегают за ним, – она указала на высокую русую девушку независимого вида.

За одну секунду я была в курсе всех событий, и ровно через секунду он подошёл к нам и поздоровался.

– А что ты тут делаешь? – спросил он у Ирки. Она таинственно улыбалась.

– Посмотри, пожалуйста, дневник в третьей парте, – обратилась я к нему с неожиданным смущением. Он сходил в класс и скоро вернулся.

– Нет там никакого дневника, – пожал он плечами и улыбнулся, глядя мне прямо в глаза. На щеке появилась ямочка. С этого момента со мной что-то произошло, стало горячо у сердца.

Потом была линейка в коридоре. Все классы стояли в две линии лицом друг к другу. Вадим оказался почти напротив меня. Из-за своей рассеянности я не сразу его заметила. Ирка тотчас же зашептала мне на ухо:

– Он так глядит на тебя!

Я не осмеливалась повернуть голову в его сторону, а когда решилась, то увидела, как он, не скрываясь, смотрел на меня во все глаза с какой-то шальной улыбкой и неизменной ямочкой на щеке. Это было неожиданно и непереносимо. Я отвернулась, а Ирка посматривала мельком, и все время нашептывала мне о нем. Это было удивительно. Обычно тихая, спокойная – в классе её прозвали Несмеяной, она с таким пристрастием подталкивала меня к нему, словно говорила, – Смотри, вот он! Не может быть, чтобы он ей тоже не нравился.

С того дня в моей жизни появился другой смысл. На кухне у тёти Киры я дежурила возле окна, чтобы видеть, не пройдёт ли по двору Вадим. Как только он появлялся и пересекал двор, я смотрела на его высокую ладную фигуру и замирала. Про такую походку говорят, – идёт, как пишет. Каждый его шаг и каждое движение отдавались в моем сердце, это были минуты огромного восторга и грусти. Но стоило ему повернуть голову в сторону нашего окна, как я, тотчас же, пряталась за занавеской. Наши дома находились рядом, и это уже было счастьем. В школе я набивалась на дежурство в группу по проверке чистоты классов, которая делала обход во время уроков. Так я могла лишний раз встретиться с ним взглядом. Я хорошо помнила слова моего одноклассника Кольки:

– Между прочим, Павлихин часто интересуется – что это за скромненькая девочка у вас в классе?

Раньше мы с Иркой предпочитали прогуливаться только по аллее, которая идёт вдоль Брестской улицы, этакие благовоспитанные девочки. Во двор я стала выходить только недавно, и понятно, по какой причине. Там собиралась целая стая мальчишек и девчонок, которые хохотали, подтрунивали друг над дружкой, а главным объектом их внимания стал Вадим, ведь он был новичком и самым видным парнем в школе.

Девчонки сбивались в кучу на лавочке у стола, теснили его в угол и приставали с вопросами:

– Вадим, а какие тебе девчонки нравятся?

Он изобразил руками волосы до плеч, и я тут же решила обрезать косу.

Однажды Колька повез меня на велосипеде по двору, а Вадим подтрунивал:

– Урони её, урони! – этот мягкий, но полный тайной силы голос, приводил меня в трепет.

Я забыла все свои мечты и грезила только о нем. Это было такое счастье – просыпаться утром и знать, что есть он. Чувства были такими сильными, что требовали выхода. Выказать их ему? Об этом не могло быть и речи. Я была невероятно застенчива, не знала, как вести себя с ним, и часто делала несуразные глупости. Как только он появлялся на горизонте, мне срочно нужно было что-то отыскивать в сумке. Девчонки посмеивались надо мной. Иногда по вечерам, когда мальчишки возвращались с тренировки по боксу, мы болтали на лавочке у нашего дома вчетвером – Я, Ирка, Вадим и Колька. Мы с Вадимом сидели в середине. Колька, балагур и лучший математик нашего класса, смеялся и восхвалял его исключительно для меня.

– Посмотри, какие у него ноги! А мышцы!

Все как будто стоворились нахваливать его при мне, но я была, словно в ознобе, молчала и даже не улыбалась, а просто смотрела на него как больная. Недаром отчим называл меня немтырём. С теми, кого я любила или ненавидела, мне было очень трудно.

Потом Вадим и Колька прощались и уходили, обещая завтра снова быть на этом же месте. Я понимала, что это делается исключительно ради нас с Вадимом, ибо мы были как два телка на поводке. В один из таких вечеров, когда мальчишки ушли, мы с Иркой ещё некоторое время сидели и молчали. Вечер был тихий и звёздный. Я смотрела на небо, и вдруг у меня вырвалось:

– Господи, как я его люблю!

– Неужели так любишь? – удивилась Ирка.

В городских соревнованиях по боксу наши мальчики стали победителями и даже попали в местную газету. Я вырезала фотоснимок и хранила его как самую большую драгоценность.

Первое чувство открыло во мне все шлюзы. Я танцевала и репетировала с девочками из класса к смотру художественной самодеятельности. Пела дома перед зеркалом, подражая Робертино Лоретти, Лили Ивановой, Ларисе Мондрус и даже своему любимцу – Муслиму Магомаеву. Самое интересное было то, что у меня действительно были данные, о чем сказала завуч, когда услышала, как я пою по школьному радио, и посоветовала учиться дальше. Но сначала меня услышали одноклассницы, когда у нас не было урока физкультуры. В спортзале с хорошей акустикой я устроила свой первый концерт. На моё пение зашёл школьный гармонист Жора, и я стала петь на городском смотре. И это не все. За то, что мои сочинения считались лучшими и зачитывались перед классом, меня выбрали юнкором нашей газеты, где я сочиняла шуточные стихи. Кроме того, мы с Иркой учились на одни пятёрки. Маме завидовали:

– Какая у вас дочь! И умная, и красивая. – Хоть бы не сглазили, – думала она.

Ходить в школу стало для меня праздником.

Как я переживала в больнице, что не попала на вечер 7 ноября. Девчонки позвонили мне из школы прямо в палату. В трубку я слышала музыку, шум голосов со школьного вечера, сидела на больничной кровати и плакала.

Сестра Женя, которая годом старше меня, была на вечере и потом рассказывала:

– У Вадима новый синий свитер с белой полосой на груди. Он ходил гордо, не танцевал и все кого-то высматривал, наверное, тебя. На него обращали внимание все девчонки, даже из нашего класса.

В больнице я пролежала месяц. А вдруг он уже забыл обо мне? Ведь что, собственно, было? Ничего. Одни взгляды, случайные встречи и незначашие слова. Он ведь ни о чем не подозревает. А может, всё-таки догадывается? Я вновь и вновь вызывала в памяти облик Вадима, вспоминала мельчайшие подробности. Вот он спускается по лестнице, высокий, статный, широкоплечий. Тёмно-русые волосы, стриженные под канадку, зеленовато-карие глаза совершенно невероятного оттенка. Слегка склонённая набок голова и едва уловимая улыбка все с той же ямочкой на правой щеке.

Опасения мои были напрасны. После больницы, как только я вошла в спортивный зал, где проходила очередная линейка, и встала у стены, как временно освобождённая от физкультуры, тут же увидела голову Вадима, которая возвышалась над остальными. Он смотрел на меня с улыбкой, хотя была команда «Смирно». О, Боже! Он не забыл меня! Я убежала в туалет, чтобы смыть слезы радости. Глядя на мокрое лицо в зеркале, я, как заворожённая, повторяла:

– Как я счастлива! Как я счастлива! Мне хотелось бесконечно повторять это и плакать. Это было вселенское счастье!

В то же время я была очень несчастна. Я забитая девочка, витающая в облаках, из сумасшедшей семейки, а Вадим – сын военного офицера. Я живу у тётки, как бедная родственница, и мало кто знает, что я не ее дочь. Я стыдилась своего положения.

Это было время высокого престижа военных. Девицы стремились замуж за офицеров и на что только они ни шли ради этого, иной раз даже вены резали. Свадьбы проходили в местном кафе «Встреча». Тётя Кира, знавшая все про всех, говорила:

– Яцына – шлюха, а отхватила себе такого офицера!

По своему крайнему простодушию я ощущала себя почти ущербной в офицерской среде. Я понимала, что это ложное чувство, но ничего не могла с собой поделать. Любовь все только усугубляла. Это было глупо, задевало мою гордость, но ничего не меняло. Моё искажённое представление о себе стояло стеной между мной и Вадимом. Только он вовсе об этом не подозревал и продолжал мне улыбаться, потому что был нормальным человеком из обычной семьи.

И вообще, все вокруг были нормальные – сплошь дети военных, и среди них я, как золушка в замке короля, которая дрожит от страха, что вот пройдёт 12 часов и все увидят её «старое платье».

За окном показался знакомый до боли Полесский вокзал. Я поймала такси и заехала по дороге на рынок, где быстро отыскала чёрные кофточку и шарф. Через 15 минут мы уже подъезжали к дому на Брестской улице, где была туча народу и множество венков. Расплатившись с таксистом, я как сумасшедшая бросилась к подъезду и взлетела на третий этаж. Меня трясло. Двери квартиры были открыты настежь. На лестнице и на площадке стояли люди, суетились высокие крепкие мужчины. Началось движение.

– Стойте! – что было сил, закричала я.

– Стойте, Женя, дядя Петя, это я!

Они смотрели в мою сторону и не видели. Аня стояла рядом с ними и кивнула мне. Гроб уже выносили. В самую последнюю минуту, но я успела!

– Здравствуй, моя дорогая тётя Кира.

Она лежала как живая, словно уснула. Казалось, вот-вот откроются её глаза, и она начнёт рассказывать какой-нибудь случай.

ГЛАВА II

Началось прощание для тех, кто не мог поехать на кладбище. Я смотрела на неузнаваемые знакомые лица. Вот оно, процветающее когда-то, офицерское общество. Многих уже нет в живых.

Ничто не предвещало такой внезапной смерти тёти Киры. Две недели назад у нее гостили мама и ещё одна сестра, которая жила в Самаре. Как водится, они веселились от души, пели, танцевали. Тётя Кира кричала мне в телефонную трубку:

– Таська, что ты сделала? Продать дом и уехать в никуда! Боже, Боже – скитаться по квартирам! – переживала она, – И что там за границей будет?!

На поминки пришли несколько ветеранов Великой Отечественной войны, которые давно знали семью Терещенко. Произносились речи. Было грустно.

Встала и подняла бокал лучшая подруга тёти Киры.

– Ушла Михайловна на постоянное место жительства. Теперь ей, наверное, хорошо. Она была весёлой и неунывающей. Поэтому самой лучшей памятью будут хорошие и светлые воспоминания о ней, и никаких слез.

Каждый, кто хотел, брал слово и говорил о тёте Кире. Я слушала и в очередной раз удивлялась, какой она была необыкновенно доброй и как её любили совершенно незнакомые мне люди.

Дома было продолжение поминок. Пришли друзья и соседи из тех, кто не смог поехать на кладбище.

Дядя Петя на глазах впадал в детство. Он подошёл с тарелкой к портрету.

– Мамочка моя, поешь, – говорил он жалостно.

За столом разговоры постепенно перешли в более практическую сторону, и я вышла на балкон. Ко мне присоединилась Аня.

– Вот и нет больше нашей тети Киры, – тихо сказала она.

Мы смотрели на двор и молчали. Мой двор. Здесь витает дух моей первой любви. С тех пор деревья выросли и закрыли кронами площадку, по которой возил меня на велосипеде Колька. Я перегнулась через перила балкона и взглянула на лавочку. На месте.

Мы тогда смеялись, говорили ни о чём. Я уже могла смотреть на Вадима, не отводя глаз, и это был большой шаг вперёд. А взгляд его притягивал и завораживал. В нём читалось то, что нельзя было доверить словам. В школе я не могла видеть его, когда хотелось, поэтому каждое такое мгновение становилась праздником. На лавочку я смотрела с нежностью, она стала для меня символом.

Осень выдалась тёплая и ласковая. Вадим тоже учился теперь в первую смену. По утрам наша компания как по команде выходила из домов и шла в школу. Иногда к нам присоединялась одноклассница Лариска, и тогда вокруг нас с Вадимом носились недвусмысленные шутки, а мы, как два полюса в облаках, шли и улыбались. Нам по-прежнему нужны были посредники, без них мы были беспомощны. Когда я лежала в больнице, Вадим загадочно спросил у девочек:

– А где ваша четвёртая?

Было решено навестить меня, но на полпути он выскочил из автобуса. Это было к лучшему. Моё сердце не выдержало бы таких эмоций. Я придавала значение каждому его слову, взгляду. Любая мелочь могла меня ранить. Моя любовь то разрасталась до мировой трагедии, то становилась счастьем космического масштаба. Недаром я так часто смотрела на звезды, как будто там были ответы на все мои вопросы.

Так мы и ходили всегда в сопровождении кого-нибудь. Мы никогда не оставались наедине, и тем более не разговаривали. Так продолжалось год. Другие мальчишки и девчонки ссорились и мирились, а у нас никакого внешнего сдвига. Но накал страстей, который ощущался даже в воздухе, доводил меня почти до обморока.

Наступила осень. Завершилась первая четверть десятого класса. По случаю праздника 7 Ноября мы собрались на вечеринку у одной из одноклассниц, в частном доме на окраине военного городка, подальше от родительского надзора.

Было весело. Рядом со мной за столом сидел мой давний ухажёр Толик. Он учился в Суворовском училище в Ленинграде, но всегда приезжал в свой родной класс и участвовал во всех без исключения пирушках. Толик был простым и добродушным увальнем, его успешная офицерская карьера просматривалась даже теперь, когда он сидел рядом и восторженно смотрел мне в рот. Он наверняка осчастливит любую среднестатистическую девицу, мечтающую об офицере и мещанском благополучии. Я смеялась, мне было с ним просто, но я не испытывала к нему ничего, кроме лёгкой досады.

В самый разгар застолья девчонки вдруг заволновались. Прошёл шепоток, что сейчас к нам придут мальчишки из других классов, и среди них Вадим. Сердце моё затрепетало.

Девчонки стали срочно прихорашиваться. Лариска распустила по плечам свои роскошные белокурые волосы и ободряюще мне подмигнула. Она была самой боевой девчонкой в классе. Её шуток не выдерживали даже самые искушённые пацаны. Она могла ввести в краску и «наколоть» любого парня. Если ей кто-то нравился, она прямо говорила об этом и добивалась своего. Такое искусство было мне недоступно. К моей любви Лариска относилась дружелюбно, но никак не могла понять, почему мы до сих пор «телимся».

Спешно раздвинули столы для танцев. Почему-то сразу объявили дамский танец. Мальчишки сидели группой на сдвинутых в угол стульях, а девочки примостились на диване напротив. Кое-кто стоял. Первой открыла бал Лариска и пригласила Вовку Андрейченко из параллельного класса. Остальные, помявшись, последовали её примеру. Вадим смотрел на меня в упор и ждал. Его глаза пылали недетской страстью, а я всё ещё была во власти романтических грез и чувствовала себя так, словно мне предстояло перепрыгнуть глубокую пропасть.

– Вот сейчас, сейчас я его приглашу! Но не могла сдвинуться с места. Диван словно держал меня в тисках. Пока я боролась со своей робостью, к Вадиму подошла Людка Демчук, как только поняла, что я не решаюсь. Мне ничего не оставалось, как уважить Толика, который был на седьмом небе от радости. Он что-то мне говорил, но я все время поглядывала на Вадима. Мы улыбались друг другу, понимая, что мой танец с Толиком всего лишь недоразумение.

После танца я убежала в другую комнату поправить свой туалет и посмотреть на себя в зеркало. Я заметила за собой привычку смотреть на себя в минуты счастья или горя. Как будто можно было разделить их со своим потаённым я. Взволнованное, ждущее лицо, сияющие глаза с бронзовым отливом, платье из тонкой шерсти цвета красного вина и румянец на щеках в тон платью. Тёмно-русые волосы, схваченные высоко на темени, ниспадали легкой волной на плечи.

– Неплохо, – сказала я себе и поспешила обратно в комнату.

Там уже начался новый танец. Едва я вошла, Вадим взял меня под руку и сделал это вполне непринуждённо. Мы молчали, но не было обычной неловкости и напряжения. Слава тебе танец! Это была моя первая, ничем ещё незамутненная радость.

Сразу после этого все дружно засобирались домой. У меня мелькнула мысль, что мальчишки приходили лишь для того, чтобы проводить по домам своих зазноб. Значит, Вадим тоже пришёл ради меня. На кухне сидела старшая дочь хозяйки дома, которая наблюдала за танцами. Провожая взглядом меня и Вадима, она сказала:

– Мне очень понравилась эта красивая пара, они так подходят друг другу!

За мной и Ирккой шли Вадим и наш одноклассник Сергей, приятный парень, который стал лётчиком и живёт сейчас в Бресте. Ноги мои подкашивались, лицо горело. Мы шли в полном молчании. Я всё гадала, что сейчас будет, когда каждый свернёт на свою тропинку. Сергей пошёл за Ирккой, а Вадим – за мной. Мы подошли к подъезду, где стояла вечно поминаемая мной лавочка.

– Давай посидим, – предложил он.

Это было счастье, которое само пришло и протянуло мне руку, мне, несчастной, затюканной девчонке. Услышать бы этот глас Божий и согласиться. Но... не своим голосом я отрешённо произнесла,

– Нет, я не могу, мне пора домой.

Драгоценная хрустальная ваза разбилась на мелкие осколки.

Я всегда жила в своем выдуманном мире и крепко запирала его на замок. По этой причине глубоко и непостижимо боялась я искренности, и просто ответить в ту минуту на приглашение было для меня так же невозможно, как улететь на луну.

Все моё существо жаждало поступка необычного, а голос Вадима прозвучал слишком просто и неубедительно, и не смог пробить лёд, под которым умирало от любви моё сердце. Вероятно, оно, моё сердце, ждало подтверждения в виде каких-то особенных слов. Для любой девчонки это было бы нормой. Подумаешь – на лавочке посидеть с парнем, который нравится.

– Ну, если тебе нужно домой, тогда до свидания, – ответил он бесцветным голосом и ушёл.

Я машинально поднялась на третий этаж, а затем, не веря тому, что произошло, пулей скатилась с лестницы. Вдруг он ещё там, стоят же под окнами влюблённые. Тогда я скажу, что дома никого нет, и мы сможем посидеть. Я готова была бежать за ним, но его уже и след простыл. Я жестоко себя корила,

– Почему? Почему и зачем?

Меня душили слезы, но плакать я не могла. От этого было ещё хуже, сердце как будто остановилось, руки похолодели. Ощущая лёгкую дурноту, я, словно истукан, обречённо поплелась домой. Еле раздевшись, я осторожно прилегла на кровать, чтобы не разбудить Женю, но она проснулась, обняла меня и прошептала:

– Что, с Вадимчиком гуляла?

Тут я не выдержала и зарылась в подушку, которая приняла на себя мою безутешную горечь и слезы. Всю жизнь у меня перед глазами стоит этот эпизод с лавочкой. Много раз в жизни пыталась я объяснить себе его, но так и не смогла.

Наступил новый день и принёс новые надежды. Слава богу, не нужно было идти в школу – осенние каникулы. Время всё осмыслить, прийти в себя и решить, что делать дальше.

Каникулы тянулись ужасно долго. Целые дни я проводила у окна и украдкой наблюдала за двором – не пройдёт ли Вадим. Несколько раз мне удавалось его увидеть, но как только он поднимал голову по направлению к окну, я пряталась за шторой. Себе в утешение я включала пластинки, бродила по комнате и считала дни до окончания каникул.

В школе Вадим довольно холодно мне кивнул. Что же теперь делать, как исправить положение? Мы недаром изучали в восьмом классе роман Пушкина «Евгений Онегин», которым я зачитывалась. И, вообще, эпистолярный жанр был тогда в моде, по партам гуляли любовные или шуточные записочки. Я, Ирка и Надька собрались для обсуждения плана. Надька до четвёртого класса училась вместе с нами. Потом её отца, разумеется, военного, послали с семьёй в Германию на четыре года. После возвращения она продолжала водить с нами дружбу, хотя и перешла в другую школу. Её замечания часто отличались глубиной и точностью. Вникнув в мою историю, она сказала:

– Он теперь внешне хочет показать, что равнодушен к тебе. Но если так и дальше пойдёт, то со временем он может действительно потерять к тебе интерес. Значит, что нужно сде-

лать? Подогреть этот интерес какой-нибудь интригой, чтобы его голова только и была занята мыслями о тебе. А там, глядишь, опять случай подвернётся. Только ты тогда уж смотри – не теряйся.

Вадим был прост и искренен, хотя и робок. Он вряд ли заслуживал интриги, но его нерешительность, помноженная на мою застенчивость дали уже первый невесёлый плод. Я была готова к безобидному розыгрышу и воспрянула духом.

– Хотя это и наглость, но что мне остаётся? Я ведь с ума сойду от его безразличия. А так, я буду строить из себя обиженную простоту и отвлеку его от задетого самолюбия.

Письмо поручили писать Надьке, поскольку узнать мой почерк не составило бы труда. Мы проявили необыкновенную изобретательность – написали два анонимных и довольно пошловатых письма. Ведь наша цель была – вызвать его возмущение. Одно – Вадиму, от некоей незнакомки примерно такого содержания: «Милый Вадимчик, ты смотришь только на эту гордую и тихоню Таиску. И что ты в ней нашёл, и все в том же духе...». Другое письмо – мне, от той же особы: «И что ты о себе возомнила, такая ты и сякая. Вадим мой и никогда я тебе его не уступлю, и все в этом духе...»

Первое письмо мы бросили Вадиму в почтовый ящик, а второе, якобы полученное мной, я должна была предъявить ему с возмущением. Переживала я, как перед страшным экзаменом. Однако, возможность, хоть и таким путём, вступить с ним в контакт вызывала во мне прилив сил и отвлекала от отчаяния и тоски.

И вот настал этот день. В школу я пришла пораньше и перед началом уроков поймала Вадима в коридоре. Мне удалось разыграть сцену. По мере того как он читал письмо, выражение его лица становилось все более смущённым и растерянным. Он покраснел, как рак, и тупо уставился в бумажку, с которой не знал, что делать. Я не стала долго наслаждаться его видом и удалилась с гордо поднятой головой. Почему так трудна искренность? И как быстро можно научиться притворству.

Интрига дала свой результат. Вадим бегал из одного класса в другой и сверял почерк. Судя по всему, он был не только озадачен, но и взбешён. А я ходила с независимым видом, обмирая сердцем от одной мысли, что все откроется. На меня с интересом посматривали другие мальчишки, а Вадим как будто не замечал. Все напрасно, зря мы все это затеяли, сетовала я. Тем не менее игру нужно было выдержать до конца. Я мучилась, но терпела.

Наступил Новый 1969 год. В школе готовился праздничный вечер. Я с дрожью думала о том, что теперь, когда многие в курсе этих анонимных писем, я и Вадим станем объектом пристального внимания.

Тем не менее на вечеру я не постеснялась пригласить его на дамский танец. В ответ он пригласил меня. А потом вдруг исчез. Я танцевала с другим парнем, которому нравилась, но почти не видела его и была как на иголках.

– Тая, что такое? – недоуменно спросила Демчук.

Я пожалала плечами. Потом разведка донесла, что Турко закатила Вадиму истерику в коридоре и засобиравалась домой. Она вся закипела от обиды, когда увидела его танцующим со мной. Вадим, конечно же, не смог оставить обожающую его одноклассницу и повёл себя как настоящий кавалер. Весь остаток вечера он танцевал с ней и пошёл провожать домой. У него не было повода обижать её.

Итак, Вадим оказался непредсказуем и не оправдал ожиданий школьной публики, которая рассматривала нас как под микроскопом. Мне оставалось проглотить очередное разочарование и запастись терпением, ведь впереди была новогодняя пирушка, куда был приглашён и он.

Мы снова собрались на окраине городка. Мальчишки притащили магнитофон и включили музыку битлов. Качество звука ужасное по современным меркам, но они были просто в экстазе. Я этого восторга не разделяла, как, впрочем, и все наши девчонки.

Вожаком в продвижении битлов в наши уши и сознание был Олег Маркин. Ему легко давался английский язык, и он был большой оригинал. В начале каждого урока, когда учитель заходил в класс, Олег что-нибудь изрекал. Например: «Работа не волк, в лес не убежит», или на вопрос – ты читал «Ромео и Джульетта» Шекспира? – мог ответить: «Не читал, но, как и все хвалю». А на выпускном вечере каждому из нас он написал размашистым почерком пожелание – достать последний альбом Битлз. Итак, было весело, своими шутками Олег вносил изюминку в нашу компанию.

Невесело было лишь мне одной, хоть я и старалась этого не показывать. Вадим и я демонстрировали друг другу полное безразличие. Он очень добросовестно приглашал на танцы всех девчонок, кроме меня. Я тоже танцевала с другими мальчишками, но не с ним. Мимоходом он взглядывал на меня, вероятно, проверяя эффект своего поведения. Я изо всех сил держалась, а когда было совсем уж невозможно, то выходила на крыльцо подышать воздухом. Вскоре там же, к моей досаде, оказывался неизменный Толик.

Да, – мысленно произносила я – это уже не тот скромный, добродушный мальчик. Это уже потенциальный покоритель женских сердец, или прикидывается таковым. От Надьки я кое-что знала о Вадиме. Например, что он бывает на городской танцплощадке, которую мы с Ирккой обходили стороной. Там была слишком разношёрстная публика, озабоченная в основном делами ниже пояса. До нас доходили слухи, что он связался с какой-то сомнительной компанией. Ясно было одно, что тайны полов для него больше не существует. Проще всего мне было не верить в это.

Окончилась зима. Первые лучи весеннего солнца прогнали тягучую грусть, пробудили надежды и мечты, а заодно напомнили, что не за горами выпускные экзамены. Последняя четверть десятого класса, пора сосредоточиться на выборе профессии. Мы с Ирккой тянули на медаль. Мои голова и сердце были по-прежнему заняты Вадимом, а весна ещё больше обострила чувства. Меня спасало лишь то, что я с головой ушла в учёбу. Каждый день, проведённый в школе, был для меня уходящей драгоценностью. Это последний год, когда я могу его видеть. Школа была для нас вроде узаконенного места встречи. Что же будет дальше?

Прозвенел последний звонок. Мы собрались на прощальную вечеринку. Был чудесный тёплый вечер, 25 мая, 1969 года. Все веселились, по нескольку раз крутили популярную «Лайлу» Магомаева. Вот и конец, – думала я, – Да пошло оно всё куда-нибудь подальше, вместе с ним. Хватит грустить, надо начинать новую жизнь. Буду веселиться! – Мне, в самом деле, стало чуточку веселее.

И вдруг, как по волшебству, появился Вадим. Я даже не удивилась, а усмехнулась про себя. Разве не это было самым большим моим желанием весь год. Судьба даёт мне ещё один шанс. Но посмотрим на него. Мой рентгеновский луч любви видел и чувствовал каждое его движение, взгляд, улавливал малейшую фальшь. Начался танец. Он сразу же, как-то бодро, пригласил Ирку. Опять начинается гроб с музыкой, – подумала я. – Это становится неинтересно. На следующий танец Вадим изволил пригласить меня. – Свершилось! – не без иронии подумала я и удивилась отсутствию былого трепета.

– Почему тебя так долго не было? Я ждала, – подивилась я своим словам.

– На охоту ходили, на лис, – с готовностью сообщил он, словно отчитываясь перед женой.

– На лис? Почему на лис? – засмеялась я.

Он наклонил голову и стал искать мои губы. Я отвернулась.

– Посмотри на других, – изрёк он мудрую мысль.

– Что мне другие?

– Ну да, нужно иметь своё мнение, – согласился он. – Танец закончился. Я села у стены, он – рядом.

– Почему ты сегодня такая сердитая? – задушевно спросил он, откидывая прядь моих волос от щеки.

- Я не сердитая, – упрямо ответила я и опустила прядь на прежнее место.
- Что, так теперь модно? – Ситуация становилась глупой.
- Выйдем, подышим, – предложил он.
- Выйдем, – согласилась я в полном смятении.

Мы спустились по лестнице на первый этаж, вышли во двор и двинулись по улице. Вадим положил руку на моё плечо. Пахло табаком, его рука была слишком тяжела, и я убрала ее. Мы медленно подошли к фонарному столбу. Было прохладно, и Вадим накинул на меня свой пиджак. Потом с величайшей осторожностью он коснулся уголков моих губ. Ну почему он не схватил меня тогда в охапку и не защекотал до смеха?! Я надвинула на лицо пиджак, и кто-то, кому очень не хотелось нашего счастья, сказал моим голосом:

– Никогда!

– Никогда, так никогда, – обречённо произнёс мой Вадим, и мы побрели назад к крыльцу, где, прячась в кустах, высматривала нас Ирка. – Как он легко сдался, он не борец, – подумала я с грустью. Усталые, как после тяжёлой работы, мы ненадолго присели на крыльцо.

- И кому понадобилось писать эти письма? – без зазрения совести спросила я.
- Давай забудем о них, – резонно предложил Вадим.

Мы возвратились к танцующим. Я села у стены и попыталась отдать себе отчёт. Что за наваждение? Я никогда не пойму себя. Зато я хорошо понимала, что терпение и любовь вознаграждаются, а глупость неистребима.

Мне стало душно, и я снова решила выйти на воздух. Вадим сидел в проходной комнате с ребятами, развалившись на диване. Все молчали. У Сани Иванчука, нашего ведущего баскетболиста в классе, был недоумевающий взгляд. Вадим смотрел сквозь меня. Потом я вернулась и как пришибленная, снова сидела у стены. По-прежнему играла музыка, все танцевали в обнимку. Меня вывел из оцепенения голос Лариски:

- Полюбуйся, как твоя подружка целуется с Вадимом.
- Что ж, пусть. А мне такой не нужен!

Последние слова я произнесла достаточно громко. Он услышал и повернул голову в мою сторону. Я даже не ощущала обиды, а только горечь и пустоту. Не было ничего, ни меня, ни окружающих, всё было нереально.

В этот вечер Вадим пошёл провожать Ирку. На следующий день я увидела её припухшую губу, прячущийся взгляд и задала ей единственный вопрос:

- Так ли сладок поцелуй, как о нем говорят?
- Нет, – ответила она. Больше к этой теме мы никогда в жизни не возвращались.

Зато к самой себе у меня по сей день много вопросов, и среди них один – главный. Почему? Почему я хочу одно, а делаю совершенно противоположное? Это слово «никогда», коварно сорвавшееся с моих губ, было как печать, наложенная на всю мою и его судьбу.

В июне мы сдавали экзамены. Я вытянула свой аттестат зрелости на все пятёрки, очень устала, ни о чём не думала, и меньше всего о серьёзном выборе профессии. Для меня существовал только Вадим, но он был потерян, и я постепенно смирялась со своей участью.

Мне хотелось поскорее уехать из нашей семейки, а для этого надо было поступить в какое-нибудь учебное заведение. Тем более я была отличницей, и это считалось несомненным.

Женя, видя моё подавленное настроение, утешала, как могла:

- Ну не переживай, зайка, всё утрясётся. Когда ты сдавала математику, ко мне подошёл Вадим и посетовал, что на следующий год за него некому будет болеть. А я ему сказала:
- Если кое-кто не поступит, то придёт, поболует. Он так хорошо, по-доброму улыбнулся.
- Ну и что здесь особенного? Он умеет обаятельно улыбаться. Мне от этого не легче.

– А знаешь, что мне сказала Лилька? – Лилька – «светская львица» из параллельного класса, знающая себе цену и, разумеется, офицерская дочь. – Она сказала, – Я слышала, вашей Тае нравится Вадим. И что она в нем нашла, ведь он такой самоуверенный?

Интересный взгляд со стороны. А я видела его совсем по-другому.

Таким мыслям и чувствам предавалась я на балконе. Уже совсем стемнело, но мы продолжали стоять. На Аню тоже нахлынули воспоминания, и у неё была своя первая любовь, в деревне, куда на лето их с братцем Лешкой отправляли родители. Я любила свою сестрёнку, за её спокойный нрав и ненавязчивую манеру общения.

– О чём беседуете? – прервала наши размышления Аля, младшая дочь тёти Киры. Але можно было говорить всё, это был уникально безбашенный человек.

– Не беседуем, а скорее молчим. Молчим о первой любви, – призналась я.

Аля знала Вадима. Его мать учила её в четвёртом классе, и одно время занималась с ней на дому. По этой причине она была для меня дорогой ходячей реликвией, немного приобщённой к его домашнему миру, который был мне недоступен.

– Ты всё ещё его помнишь?

– Первая любовь никогда не забывается.

– Стоит того.

– Ты что-нибудь о нем знаешь?

– Я давно его не видела. Знаю только, что он не живёт сейчас в Барановичах, а где-то недалеко. Говорили, что он, то уходил, то приходил к своей жене. А когда умерла его мать, он совсем перестал приезжать сюда. Какие-то нелады с отцом. Говорят, что отец потом сошёлся со своей первой любовью.

– Хотелось бы его увидеть, но останавливают стихи Юлии Друниной:

Не встречайтесь с первой любовью,

Пусть она останется такой —

Острым счастьем, или острой болью,

Или песней, смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому, не стоит —

Все иным окажется сейчас...

Пусть хотя бы самое святое

Неизменным остаётся в нас.

– Девочки, вы там не уснули, – позвала Женя.

У неё был измученный вид. Все люди уже разошлись.

– Да, пожалуй, пора ложиться. Завтра нам с Аней предстоит испытание – визит на Фабричную улицу.

Я спала на той самой кровати, которая помнила мои первые слезы о Вадиме.

ГЛАВА III

На улице Фабричной проживал теперь мой отчим со своей второй женой Кларой. Это была наша бывшая квартира, которую после долгих мытарств Зиновий получил на семью от хлопчатобумажного комбината. Апартаменты незavidные – четыре клетушки с тонкими перегородками на первом этаже, где в сезон дождей пахло сыростью. Однако это было великое счастье для нас, вволю намотавшихся по съёмным домам без удобств и с клопами. К тому времени я училась уже на третьем курсе.

Мама с воодушевлением водила меня из одной комнаты в другую. С неизвестным мне блаженным чувством я полежала сначала в ванне. Потом забралась в постель в собственной спальне, ощутила запах стерильного голубоватого белья и заботливые мамины руки, поправляющие одеяло. На душе стало уютно, и я сладко уснула. Как мало человеку нужно – чистота, уют, забота и маленький кусочек своего жизненного пространства.

А когда через восемь лет с сыном на руках я снова приехала сюда, первоначальный уют, который пришёл вместе с получением квартиры, безвозвратно исчез. Было очень некомфортно находиться между матерью и Зиновием, как меж двух огней. Мать знала о его изменах и посвящала меня во все подробности. Потом был мучительный и неприглядный развод. Ещё хуже было существование после развода в ожидании размена квартир. Так, мама с моим братом оказались в Тольятти, поближе к дочери, то есть ко мне. Я жила тогда одна с сыном в однокомнатной квартире, которую получила от ТООЗа, где работала инженером, а за плечами был неудавшийся брак.

С такими невесёлыми мыслями я переступила порог нашей бывшей квартиры. Приняли нас, насколько можно, радушно. Клара была тараторкой, в момент заговорит, но от её неудержимого потока слов исходило какое-то очарование.

– У нас ничего тогда ещё не было, – возбужденно говорила она, словно оправдываясь.

Мне стало неловко, и я попыталась её успокоить.

– Стоит ли об этом говорить? Всё в прошлом. Мама живёт своей жизнью и ни о чём не вспоминает.

Тем не менее разговор всё время сбивался в эту сторону. Говорила в основном Клара, а я больше молчала и слушала. Мне это не составляло труда, поскольку стеной обступили и не отпускали воспоминания.

Вот прихожая с большим зеркалом. Раньше здесь стояло трюмо, перед которым я любила повертеться, примеряя перешитые из старых вещей платья. Я жила почти на одну стипендию и ходила исключительно в тех тряпках, которые придумывала себе сама.

После третьего курса я работала летом в студенческом отряде проводников, с которым мы ездили на пассажирских поездах Минск-Сочи и Минск-Кисловодск поочередно. За шесть поездок я заработала себе на зимнее пальто, и надо сказать, что даже эта временная роль была мне более по сердцу, чем учёба на химфаке.

Училась я без интереса и желания. К вопросу выбора профессии я отнеслась безответственно, и это была моя вторая ошибка в жизни, если первой считать все, что связано с Вадимом. Так я думала тогда и лишь много позже поняла, что ничего случайного не бывает, и наши «ошибки» на самом деле не ошибки. Просто в тот момент жизни не могло быть иначе. От этой мысли легче. На судьбу нельзя обижаться, она всегда даёт ещё один шанс. Вопрос в том, сможем ли мы им воспользоваться.

В Ивацевичском районе, куда меня направили после окончания университета, свободных мест не оказалось. В Министерстве образования в Минске на меня лениво посмотрел утопающий в бумагах дядька и спросил:

– Может быть, вам свободный диплом дать?

В изумлении я не знала, что сказать. Это была, по выражению Андре Моруа, «минута, решающая судьбу». Судьба тащила меня за шиворот, но я сопротивлялась с невероятной тупостью, трусила перед неизвестностью и отказалась. Мне подобрали Ганцевичский район, и я попала в крупное село Огаревичи с колхозом – миллионером.

Поселили меня в двухэтажном коттедже, с печным отоплением и туалетом на улице. Я занимала одну из комнат на втором этаже. Внизу гостиная, кухня и ванная с титаном. Хозяйка, красивая молодая женщина с иконописным лицом, была в разводе с мужем, сыном председателя колхоза, жила с дочерью у матери, а комнаты сдавала приезжим учителям, за что школа платила ей 7 рублей в месяц и обеспечивала на зиму дровами.

Я преподавала ненавистный предмет, но довольно успешно, просто по привычке делать все добросовестно. Тем не менее я считала себя притворщицей и не испытывала никакого удовлетворения, поскольку учительство – не моя стезя. Лишь в силу молодости все шло само собой, возникла даже некая симпатия между мной и учащимися. А где моя стезя – я не знала.

В свободное от работы время я гуляла по окрестностям деревни, читала хорошие книги и продолжала мечтать о чем-то несбыточном, с грустью возвращаясь к окружающей действительности. У Филдинга я узнала, что счастье заключается в жизнерадостном, живущем надеждами темпераменте. Такая трактовка счастья мне вполне подходила.

Свежий воздух и деревенское молоко пошли мне на пользу. Из выжатой, как лимон, дипломницы я вновь превратилась в свежую девушку с нежным румянцем на щеках. Каждые выходные я приезжала домой, чтобы не отказать себе в удовольствии принять ванну. Из ванны я выходила новым человеком и разглядывала себя в зеркале. Оно отражало не только черты слегка удлинённого лица в обрамлении тёмно-русых волос, но и жизнь, которая возвращалась к этому лицу.

– Хороша, – сказала мама, глядя на меня с удовольствием. Природа и деревенская тишь исцеляли мою душу и тело, постепенно затягивались сердечные раны.

– Ну как дела, рассказывайте, – произнёс отчим, наливая всем по чарке своего фирменного напитка «Сам жанэ, сам пье».

– Мы сейчас в Санкт-Петербурге. Я продала дом, собираюсь в Шотландию на заработки. Илья поступил в институт, Рита – в колледж после 9-го класса.

– Я бы тоже поехала, – мечтательно протянула Клара. – За границей такой нос, как у тебя, котируется. Я желаю тебе найти, наконец, свою половинку. Знаешь, я представляю палисадник и рядом с тобой мужчину среднего роста с бородой.

– Почему именно с бородой? – усмехнулась я.

Затем опять стали мусолить тему развода и отношений отчима с мамой.

– А может, ещё и сошлись бы – рассуждала Клара, осуждая поведение моей матери накануне развода.

– Вы-то, наверное, его точно не упустили бы, – вставила я.

– Не-е-ет! К мужчине подход нужен, – погладила она Зиновия, который расцвёл от удовольствия.

– Зюнечка, – произнесла нараспев Клара. И Зюнечка послушно ушел мыть посуду. Такое было просто невозможно представить в прежней его жизни с мамой. Я шелохнулась помочь, но Клара остановила меня:

– Не надо, он имеет за это премиальные. – Это был мастер – класс от Клары. Искусство, которого я абсолютно лишена.

Тема разговора начинала набивать оскомину, и Анна ушла на кухню за отцом. Она по-прежнему любила отца и льнула к нему, хотя ей было непросто. Между ней и Klarой несколько

лет тому назад пробежала чёрная кошка. Чем-то Аня не угодила мачехе, какой-то пустяк, и своенравная Клара свела к минимуму общение отца с дочерью, а заодно и с внучками.

Мы с Klarой остались одни.

– Мой муж говорит, что я лакомый кусочек. Ну, сравни меня и свою мать, – произнесла Клара и любовно положила руку на свой пышный бюст. Я задыхнулась, но Клара как ни в чем не бывало продолжала, но уже об Анне:

– Она сама виновата. Обещала и не сделала. Как так можно? – Уже потом я узнала, что всему виной оказался какой-то антиалкогольный чай, который Анне не удалось передать для пьющего зятя Klarы. Я слушала и поражалась, как легко найти повод, если нужно сделать из мухи слона. Потом речь зашла о родне Зиновия. Клара любила повторять фразу:

– Моя мама всегда учила меня: «В тебя – камнем, а ты – хлебом». Надо отдать Klarе должное – она так и поступала. Помогала всем, кому могла, включая и меня. Что за женщина! У меня Клара вызывала противоречивые чувства. Я понимала Зиновия – она очаровывала и увлекала, какому мужчине это не понравится. С другой стороны, мне в ней претили слишком откровенные эротические порывы и деспотический нрав – её мнение было безоговорочным, правота бесспорной.

– Аня – себе на уме, – заявила Клара, и не согласиться с ней означало нажить себе врага. Посему я не проявила заинтересованности к этой теме и быстро поднялась из-за стола.

Мне захотелось взглянуть на бывшую комнату Ани. Здесь до сих пор стоял секретер, за которым она делала уроки. У нее всегда был порядок. Чистоплюйство, как сказала бы Клара, у нас в крови. А на этой кровати иногда спала я, оплакивая свою невозможную любовь. Я подошла к этому месту и почти что услышала свой голос.

– Вадим, Вадим, я буду любить тебя всегда, всю жизнь, – повторяла я, как будто он мог меня услышать. Мне не с кем было поделиться, я была один на один со своим чувством. Ни одной душе я бы ни за что не призналась в этом. Когда было особенно больно, я произносила монологи, обращённые к какой-то высшей силе под названием Любовь.

– Пошли пить чай, – позвал Зиновий, он уже успел помыть посуду.

Разрезали торт, и Клара снова затарахтела, как пулемёт. Зиновий ей вторил, они были на одной волне. Было раскопано еще несколько неприглядных подробностей из его жизни с мамой. Словно не было у этой сладкой парочки иных интересов. Мне стало досадно. Вероятно, это их очень объединяет и укрепляет семейный союз. Клара, как следователь, все знала, обо всем судила, выносила приговор и не терпела возражений. Наши с Анютой голоса были детским лепетом против её звучного альта.

– Вот скажи, мать сделала тебе, хоть раз, настоящий, крупный подарок? – вопрошала меня раскрасневшаяся Клара.

– Когда было трудно, она всегда помогала. Привозила продукты, тратила свою пенсию.

Вопрос был неслучаен. Клара торжественно вынесла из другой комнаты и надела мне на шею тоненькую золотую цепочку с кулоном в виде сердечка.

– Мы думали, что тебе может понадобиться за границей, и решили, лучше всего золото.

Вот оно – «в меня – камнем, а я – хлебом».

– А тебе Анна – вот эту кофту, ты за границу не едешь.

Kлара слишком явно благоволила ко мне. Мало ей отчуждения между отцом и дочерью. Вслед за Анной я ушла на кухню, там она продолжала безуспешные попытки разбудить у Зиновия былые отцовские чувства. Я услышала:

– Ты хочешь увидеть внучек?

– Нет, не хочу. – От этих слов у меня на минуту возник столбняк.

Пора было уходить. Распрощались мы, естественно, в самых прекраснотушных выражениях.

Сидя в автобусе, я думала, – Зиновию, конечно, хорошо с Кларой, что они и демонстрируют всем своим поведением. Если все сказанное ими сжать, то получится такой вердикт: «Ах, какая Клара прекрасная женщина! Какая у них с Зиновием любовь! Все соседи тоже это давно осознали и при каждом удобном случае выражают Кларе свое восхищение. А Раиса – приносящая несчастье женщина – самодур, которая думает только о своем я и любит, чтобы все перед ней танцевали». На душе было мерзко, словно я участвовала в сговоре против матери. Скорей бы уехать в Петербург, там – другая планета. Не говоря уже о Шотландии, которая воспринималась сейчас на грани фантастики.

По дороге я вспомнила один очень знаменательный свой поступок, после которого я долго принимала ванну, пряча от мамы свои слезы. Правда, ванна выглядит сейчас по-другому – заслуга Клары, и все там теперь другое, но мне была дорога та наша старая квартира, которая проглядывала из каждого уголка призраками прошлого.

Я перешла на четвёртый курс и смирилась с химфаком, как с неизбежностью. То, что я попала не туда, я обнаружила на первых же практических занятиях. А на лекциях, вместо того чтобы вникать в суть предметов, я думала о том, как все бросить, найти что-то другое и не терять бездарно молодые годы. После первой сессии я получила закономерный неуд по высшей математике и лишилась стипендии, а когда робко заикнулась об уходе с химфака, то мать замахала руками:

– Ты что, с ума сошла? Думать не смей, да и что скажут соседи. Скажут – выгнали.

Больше всего меня злила именно оглядка на соседей, но я проглотила этот «важный» довод. Я не умела противостоять матери. Я научилась этому позже. А тогда – со слабым сердцем, слишком ранимая, неуверенная в себе, я не могла принять собственное волевое решение.

«Бросала» я вплоть до четвёртого курса, а потом поняла, что глупо не получить диплом после стольких мучений. Мучением было все. Мне жутко не хотелось запоминать бред под названием «Избранные главы теоретической физики», вдыхать вонь химических лабораторий, капать капельки с сознанием большой важности этого дела. Едва я входила в наш новый, красивый, оснащённый по последнему слову техники химический корпус, меня начинало подташнивать. Химия была мне противопоказана.

Я смотрела на других и удивлялась, – кому-то дано любить все это, или хотя бы освоиться без особой маеты. Я же тихо страдала, как будто мне было мало всяких прошлых мучений, и не могла представить себе, что проведу всю жизнь среди этих склянок и отвратительных запахов на каком-нибудь химическом заводе. Это как же нужно любить все это? Я ощущала себя неполноценной среди других. Даже когда на экзамене по строению вещества чуткий преподаватель отметил, что я до многого могу доходить своим умом, меня это не порадовало. Зачем мне ум на нелюбимом поприще? Ещё немного и, если я ничего не придумаю, то свихнусь или стану ходячим мертвецом, что одно и то же.

Спасали молодость, дружба, смех и шутки весёлой студенческой братии. Это как оборотная сторона медали, за что я буду благодарна этим годам. Я жила в общежитии, и поздним вечером мы делились своими секретами и любовными тайнами. Я тоже поведала о своей первой любви, которая к тому времени спугнула уже нескольких ухажёров. В темноте комнаты я сказала однажды нечто не слыханное по тем временам:

– Если все вернуть, то я бы отдалась ему. Не задумываясь. А теперь мне все равно. Нет, я, конечно же, хочу выйти замуж, чтобы иметь детей. Так прямо и вижу их перед собой – мальчика и девочку.

– Но это фанатизм! – Янка Лозюк возбужденно приподнялась на своей кровати.

– Нет. Если хорошо подумать, то, оказывается, что я никогда и не представляла нас вместе, а просто очень сильно любила. Мои мечты никогда не облекались в конкретную форму.

– Невероятно! Получается, что в твоём случае сила любви оказалась больше силы желания, – высказала предположение интеллектуальная Янка.

– Возможно, – ответила я дрогнувшим голосом и внезапно почувствовала сердечную боль. Янка не отставала:

– Получается, что если меньше любить его, то больше шансов быть с ним.

– Яна, замолчи. Давайте спать

– Значит, да, – вздохнула она, и комната погрузилась в тишину. Я долго не могла уснуть, давась слезами, а под утро увидела сон: вдали на пригорке в тумане стоит печальный Вадим, а мои шаги ему навстречу становятся все медленнее и медленнее.

После того майского вечера я больше не видела Вадима. Он служил в армии уже второй год и к концу лета должен был возвратиться. Я знала, что после окончания школы он делал попытку поступить в Ленинградский электротехнический институт, но не прошёл по конкурсу. Потом пустился в загул, и его родители с большим облегчением проводили сына в армию, от греха подальше.

Стояли погожие августовские дни 1972 года, впереди маячил первый семестр четвёртого курса, время специализации. Я выбрала аналитическую химию, которая достаточно универсальна и может пригодиться не только в чисто химической отрасли. Ирка была тоже на четвертом курсе, но в медицинском вузе, и поэтому ей оставалось учиться еще три года. В последние деньки перед учёбой мы решили прогуляться по главной улице города. По пути мы завернули в парк, постояли у танцплощадки, посмотрели на веселящуюся публику и повернули назад. Мы, почему-то, не верили в счастливое знакомство на танцах.

Когда мы дошли до центральной клумбы парка, я чуть не упала от неожиданности – прямо на нас с кем-то из приятелей шёл Вадим. Он нас не заметил, и мы, не сговариваясь, пошли прямо за ним. Впервые мы зашли внутрь танцплощадки. Моё сердце готово было выпрыгнуть из груди. Невдалеке мы увидели «светский» кружок наших однокашников и среди них сестёр Воробьевых, которые знали себе цену еще, как говорится, с молодых ногтей. Щеголяя дорогими нарядами, они оживлённо разговаривали. Я посмотрела на свою льняную юбку светло-голубого цвета, клетчатую блузку из шотландки, которые, как всегда, смастерила своими руками, и дешёвые белые босоножки. Но все это было такой мелочью по сравнению с ситуацией.

Вадим стоял один и просто смотрел поверх голов, никого не ища и менее всего предполагая увидеть здесь меня. Я смотрела на него, не отрываясь, и наши взгляды не могли не встретиться. Мы в унисон кивнули друг другу – неизвестно кто первый, и медленно двинулись в танце. Этого требовало положение. Мы молчали, я почти не ощущала его рук и сама едва касалась его. Что могла я ему сказать? Любые слова прозвучали бы мелко. У нас не было общих романтических воспоминаний, и каждый был сам по себе на этой случайной танцплощадке.

Внезапно музыка стихла, взгляды танцующих тут же устремились на сцену, оказывается, был последний танец – та же ирония судьбы.

Не сговариваясь, а просто повинувшись какому-то наитию, мы пошли домой вместе. На нас все время оглядывалась наша «светская» компания, потом мы их обогнали. Улицы были пустынные. Начинающие желтеть листья чётко выделялись в отблесках фонарей. Разговор не клеился. Между нами по-прежнему действовал закон – когда говорит сердце, язык должен молчать.

Наконец, он заговорил, но это были обычные общие фразы о том, что служил он под Одессой, в городе Котовске, и ему предлагали остаться на военной службе, но он не захотел «мучиться целых 25 лет», а решил поступать на следующий год в Минский политех на электротехнический факультет. Несколько ничего незначущих вопросов и таких же ответов. Всю дорогу он был задумчив, безразличен и тих. Так мы дошли до дома, словно формально отдавая дань нашему странному прошлому, и ничего не сказали друг другу.

Последнюю неделю августа я провела у тётки Киры, высматривая в окно Вадима, как в старые добрые времена, много раз ставила пластинку с песней «Скоро осень, за окнами август...» и никак не могла наслушаться. Все было до предела символично. Я чувствовала, что достигла какой-то черты.

Ночью, когда все спали, а я уже не могла дышать от невысказанной любви, я отважилась на отчаянный, последний шаг, и будь что будет – решила написать ему настоящее письмо, а не пошлю анонимку. Писала же Татьяна Онегину, – оправдывала я себя. Крадучись как кошка, я встала, плотно прикрыла двери в спальню, зажгла свет и принялась писать, не заботясь о том, что строчки расплывались чернильными пятнами от моих обильных слез. Содержание письма было примерно таким:

«Любимый, сейчас ночь, но я не могу спать и пишу тебе письмо. Я больше не в силах скрывать, что люблю тебя с тех пор, когда была ещё с косичками, и ты заметил во дворе скромненькую девочку. Я никогда не забуду тот последний майский вечер, когда ты хотел меня поцеловать, а я отказалась, потому что боялась испортить свою любовь чем-то земным. Я ничего от тебя не требую, но знаю, что буду любить тебя всегда. Если у меня когда-нибудь родится сын, я назову его твоим именем. Постарайся понять и простить это письмо.

Прощай. Преданная тебе Таисия».

На следующий день единственной моей мыслью было – чтобы ничто не помешало вручить ему письмо. Я совсем извелась, пока дождалась пяти часов вечера и позвонила ему. Трубку снял Вадим.

– Ты не мог бы выйти, мне нужно кое-что тебе передать, – выпалила я, забыв даже поздороваться.

– Хорошо.

Отступать было поздно, и я пошла. Он уже ждал. Помертвевшими руками я протянула ему скатанное в трубочку письмо и еле выговорила:

– Прочтёшь через два часа после моего ухода, не раньше.

Обратно я почти бежала. Куда? Как всегда, прочь от своей любви. Я схватила сумку, все свои вещи и, не задерживаясь больше на Третьяках, быстро пошла на остановку автобуса, словно спасаясь от погони. В автобусе я отвернулась далеко к окну, лицо горело, в голове был туман, в ушах шумело. Полное отсутствие мыслей. Я ничего не видела и не слышала. Только ощущение того, что свершилось. Я была подобна больному в горячке, но сердце моё ликовало. Теперь он на всю жизнь будет знать мою тайну! Маленькая крупинка отломилась от моего огромного несбыточного счастья. Дома, чтобы никто ничего не заметил, я погрузилась в ванну и там дала волю слезам.

Долгое время это письмо служило мне утешением, мысленно я перечитывала его, воображая, что говорю с Вадимом. Но никогда я бы не осмелилась произнести эти слова прямо ему в лицо. Я словно подчинялась какому-то запрету.

– Приехали, – сообщила мне Анна, – куда ты опять улетела?

– Есть одно место – страна воспоминаний. О, Боже, как я устала нести этот груз.

Женя собирала сумки, она уезжала на следующий день после нас.

Я позвонила Ирке в Слоним и с трудом узнала её голос. Оказывается, он у неё низкий и грудной. Это как встреча с юностью. Поговорили о том о сем. Вот уж не ожидала – она тоже недовольна своей профессией:

– И накой я выбрала медицину?! Экономика нравится мне больше. А тебе подошел бы ин яз.

– Эта мысль уже во мне состарилась, – засмеялась я, – всю жизнь сама себе об этом говорю, но ничего не поделаешь. Зато язык – моё постоянное жизненное хобби.

– Таечка, когда ты приедешь в следующий раз, я надеюсь, что мы непременно увидимся.

К поезду за полчаса подошёл Зиновий, невозмутимый, в рыжей кожаной куртке и в шляпе – настоящий ковбой из американского фильма. Видна затейливая рука Клары. На последних минутах прибежала Алька. За несколько лет из преуспевающей бизнес-леди она превратилась в ярую поклонницу Бахуса и вела образ жизни бомжа.

Горести, которые одна за другой сваливались на детей тёти Киры, словно проверяли её сердце на доброту. В лихих девяностых вместе с машиной похитили Игоря, когда он был уже в чине подполковника и жил в Москве. Она так и не увидела сына, но все верила, что когда-нибудь он вернется.

От вида Альки у меня разрывалось сердце. Я не выдержала и сунула ей тысячу рублей. Аня последовала моему примеру.

– Зачем, всё равно пропъет, – шепнула мне Женя.

Проходящий берлинский поезд стоял всего три минуты, и мы не попрощались, как следует, не сказали друг другу нужных слов, а только наскоро обнялись, даже я с Зиновием. Ненависть моя к нему давно прошла, но оставила свой след.

– Спасибо, – кричала Аля. Она бежала за поездом и плакала, размазывая слезы по грязному лицу. Я помахала ей рукой.

Потом мы с Анной долго молчали.

– О чем ты думаешь? – спросила я её.

– Об Але.

А я думала о любви и ненависти, в которых росла, и о том, как они повлияли на мою судьбу.

ГЛАВА IV

Я снова в Петербурге, в комнате, похожей на купе поезда, который идет по жизни и, неизвестно где следующая остановка. По приезде я сразу же позвонила в «Дискавери». Мне предложили подождать две недели, потому что моя прежняя группа уже улетела. Это было несколько неожиданно. Опять ждать у моря погоды. Дни проходили тупо и бездарно, утекало драгоценное время, а деньги, вырученные от продажи дома, постепенно заканчивались.

С тех пор как у меня в руках появились деньги, я находилась в постоянной тревоге. К ним нужно привыкнуть. Помню ощущение страха, когда получила задаток – 20 тысяч рублей от покупателя дома. Я сразу же побежала в сберкасса и положила их на счёт. Ещё смешнее было, когда мой покупатель пришёл под мухой с пачкой купюр и предложил:

– Давай я тебе отдам их и перевезу вещи, надоело ждать.

До регистрации сделки оставалась неделя. Мой покупатель ходил и маялся. Трезвые и запойные дни чередовались у него в зависимости от того, в ссоре он со своей зазнобой или нет. Зазноба – женщина тридцати пяти лет жила вместе с сыном в пятиэтажке, окна которой выходили на наш дом. Николай – так звали моего покупателя, хотел быть к ней поближе и поэтому приобретал дом. Как только они мирились, он строил грандиозные планы по возведению на месте дома двухэтажного особняка. А когда она гнала его в шею, он запивал, предлагал мне деньги и грозился:

– Я ведь могу и передумать.

Я дрожала от страха, но держалась стойко:

– Деньги вы передадите мне через банк, а сейчас лучше спрячьте их подальше, чтобы, не дай бог, не потерять. А вещи можете потихоньку перевозить.

Сейчас деньги лежали в сбербанке у Гостиного двора и беспокоили меня – вдруг дефолт или ещё какая-нибудь пакость. Мне становилось легче, когда мы что-нибудь на них приобретали, например, купили Илье компьютер с клавишным синтезатором, внесли плату за его учёбу.

Немалую сумму я отдала в фирму «Дискавери», которая готовила мне поездку в Великобританию без собеседования. Дело это у них было хорошо отлажено, но при определенных условиях. Большое значение имело присутствие необходимого человека в назначенное время в нужном месте. Благоприятное стечение обстоятельств повторяется нечасто. Отложив поездку из-за похорон, я кое-что нарушила в этой системе и теперь томилась в ожидании. Мне оставалось только проводить дни в нудных размышлениях или воспоминаниях о покинутом доме. Контраст был слишком резок.

Солнце склонялось к закату, золотило листья на ветках берёзы рядом с окном. Комната, которую мы снимали, находилась на первом этаже. После привычки жить на земле меня это немного утешало. На ветке сидел большой и упитанный черно-белый кот. Его звали Тишка. Он посматривал на воробьев, которые беззаботно чирикали на верхушке дерева, и мяукал от досады – слишком высоко. И кот, и береза, и воробьи бередили мои раны от прощания с домом и животными. Картина отъезда, её последние мгновения стояли у меня перед глазами. Когда на машину погрузили последние вещи, кошка Альбина выскочила на улицу и металась, не понимая, что происходит. Мы обнялись с соседкой Машей, я едва сдерживала слезы. Она сказала мне на прощание:

– Судьбу не обманешь. – Господи, куда и зачем я еду, какой такой порыв срывает меня с места, которое я люблю и где мы все были так счастливы?

По истечении месяца, а вовсе не двух недель, мне, наконец, сообщили, что я могу выехать в Москву на собеседование, которое всего лишь формальность, так как момент самый благоприятный, и нужный человек – консул Великобритании, на месте.

Рита оставалась с Ильей. Илья рассудителен, самостоятелен и надёжен, я могла положиться на него. К тому моменту Рита поступила в Петровский колледж. Решение поступать после девяти классов пришло после того, как я поняла, что это лучше, чем мотаться по школам в нашем положении. Мало ли что со мной случится, а у дочери будет специальность. Илья учился на отделении шоу-бизнеса в институте декоративно-прикладного искусства. А я жаждала заработать в Шотландии большие деньги и решить все наши проблемы.

План был неплох и вполне реален. Мы вынашивали его не один день, когда продажа дома была только в проекте. Кроме того, мне настоятельно советовали попробовать себя за границей мои преподаватели на курсах английского языка в Самаре. Девять месяцев, по направлению Биржи труда, я была счастлива заниматься тем, что любила, и, разумеется, показала лучшие в группе способности. А мой художественный перевод стихотворения *Leisure* повесили на видном месте в учительской и считали его достойным того, чтобы напечатать в местной газете.

Один только червь сомнения грыз меня – Рите всего пятнадцать, трудный и опасный возраст, и характер под стать – ершистый, неуступчивый. Страшно оставить её в огромном городе, который пока занимает 4-е место в мире по преступности, в квартире, где рядом живут два алкоголика. Зловоние из их комнаты, вековая грязь, посещения всяких сомнительных личностей – всё это повергало меня в ужас.

Когда я, неискушённая квартирным вопросом, попыталась снять комнату через объявление в газете, то сразу же попала в «классический» лохотрон. Агентство любезно предоставило мне кучу телефонных номеров, по которым я так ничего и не вызвонила. Потеряв сравнительно небольшие деньги, мне, наконец, удалось снять недорогую комнату на окраине Приморского района. Когда я переступила порог нашего нового жилья, меня замутило от амбре, вьёвшегося в стены и мебель. Я постелила пару газет на матрац сомнительной чистоты и ненадолго прикорнула. Нужно будет срочно сделать ремонт, – решила я, – благо хозяин предложил это в счёт аренды. Открытое окно не спасало от мерзкого запаха, и, едва прогремохал под окнами первый трамвай, я уехала к сестре и на два дня слегла с температурой.

Неделю я потратила на то, чтобы сделать ремонт и придать всему божеский вид. Потолок и стены в комнате и ванной покрасили две нанятые женщины – маляры, а полы, особенно в местах общего пользования, мне пришлось оттирать с гигантскими усилиями. Внешнюю чистоту я навела, но это не избавляло от попок в соседней комнате. Иногда оттуда выползал один из алкоголиков, а другой почти не выходил от бессилия, и однажды сделал нужное дело мимо унитаза. Они смотрели на меня как на невиданное существо, которое неизвестно зачем здесь появилось. Инстинктивно я принимала независимый, и даже воинственный вид, мне нельзя было показывать, что я боюсь.

Моей соседкой по площадке оказалась боевая, но добрая женщина, и мне импонировал её стиль поведения. Нередко я звала её на помощь. Мои горе – жильцы достали её, как слепни корову. Она приходила, руки в бока, и разражалась такой бранью, что пьяная компания в страхе разбегалась. Когда порядок восстанавливался, её серо-голубые глаза лукаво сверкали, и мы хохотали. Как только она поняла, что в лице нас обрела приличных и чистоплотных соседей, то немедленно взяла под свою защиту. Это меня немного утешало.

Стоял тёплый сентябрьский вечер. Всё было готово к отъезду, сумка собрана. Рита сидела на кровати как нахохлившийся воробушек, набросив на плечи древнюю клетчатую шаль прабабушки Насти. Эта шаль была моей реликвией, я верила, что она приносит удачу, и не хотела с ней расстаться. Я поцеловала дочь и отбыла с сильным чувством тревоги.

В Москве для меня была заказана на сутки не самая дешёвая гостиница. Комната показалась мне тесной и неудобной, особенно угнетал красноватый цвет стен. В 10 часов утра я созвонилась со своей протее, и мы договорились о встрече. В голове не было ни единой мысли, кроме ощущения края и полной неизвестности впереди.

Мартина – так звали мою протеже – оказалась высокой, худой и деловитой особой, она ни на минуту не прекращала говорить по мобильному телефону. По большей части звонили ей. Мне пришлось долго ждать в большой комнате, которая представляла собой нечто среднее между офисом и бухгалтерией. Наконец, когда за окнами уже стемнело, меня пригласили в комнату поменьше, и мы приступили к обсуждению деталей завтрашнего дня. К нам зашёл какой-то мужчина, вероятно, помощник Мартины. Их лица вполне внушали мне доверие, но подспудная тревога не покидала.

– Я уверена, вы пройдёте собеседование, – сказала Мартина. – У вас вполне подходящая, достойная внешность. – Однако, её уверенность не передалась мне. Не пойму – что меня гложет? – висела в воздухе мысль. Мужчина не проронил ни слова.

Затем в комнату вошла клиентка с тёмно-рыжими волосами в сопровождении своей протеже. Ещё одна желающая найти свое счастье за границей. Она была чем-то озабочена. Наши «гиды судьбы» вышли посоветоваться, а мы остались вдвоем.

– Я буду сто процентов судиться, – процедила сквозь зубы женщина. – Пусть возвращают деньги. Я платила за то, чтобы не проходить собеседование, а теперь они мне заявляют, что оно будет.

У нее был до предела возмущённый вид. Мой лоб покрылся испариной – а вдруг я не пройду собеседование? Кому я там нужна? У меня ни дома, ни какой-либо другой собственности, а мои деньги просто смех. Там нужны богатые. Вся моя затея выглядит по меньшей мере авантюрой. Надо поговорить с Мартиной, прощупать ситуацию с деньгами, но очень уж щекотливо и неприятно.

Вскоре «гиды» вернулись, и рыжеволосая ушла. Помявшись, я заикнулась о том, что не худо бы получить какие-нибудь гарантии. Лучше бы я этого не делала. Мартину словно подменили. Из приветливой и интеллигентной дамы она вдруг превратилась в манекена, из которого вылетала одна и та же фраза:

– Вы готовы прямо сейчас заплатить 27 тысяч?

Как я ни уходила от ответа и пыталась задать ей свой совершенно естественный вопрос, она продолжала в том же духе, как на допросе. Ничего, кроме денег, её со спутником не волновало.

– Если не готовы, я отменяю все договорённости и до свидания.

Я вспомнила заповедь моего рачительного сына – никогда не спешить выкладывать денежки – и подавила искушение достать из своей сумочки треть всей нашей наличности.

– Я готова, но деньги у меня в гостинице.

– Хорошо. Завтра утром я заеду за вами, будьте готовы к девяти утра, и чтобы никаких фокусов. Постарайтесь выспаться, по дороге в машине повторим все детали ещё раз. В консульстве – ни-ни, там может быть прослушка. – И зачем такие предосторожности, если всё так просто и собеседование всего лишь формальность?

У меня страшно болела голова. Я возвращалась в гостиницу пешком. В свете фонарей улицы казались призрачными. Ещё более фантастичной была моя ситуация – что я здесь делаю? Моросил дождь, и пока я добиралась до гостиницы, у меня зуб на зуб не попадал, но не от холода, а от внутренней дрожи.

Впервые в жизни я приблизилась к совершенно незнакомому миру и ощутила чужой дух. А что же будет за границей, если уже здесь мне плохо?

В гостинице легче не стало. Маленькая комната показалась ещё не приветливее, чем утром. Шторы на окнах приобрели зловещий багровый цвет. Я включила телевизор, но он казался чужеродным предметом и не воспринимался моей воспаленной психикой. Я решила отвлечься и повторить фразы, которые дала мне Мартина, но голова совсем отказывала – было лишь одно ощущение тесноты. Я выключила свет и попыталась уснуть. Воздух уплотнился,

стало трудно дышать. Всю ночь я металась в бреду как перед казнью, и мне приснилось, что моя иконка, которую я неизменно брала с собой, горит.

Наутро я взглянула на себя в зеркало – серое осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, взлохмаченные волосы. В следующее мгновение пришло решение – я никуда не еду. Я ощущаю стену и не в силах прыгнуть на другую сторону пропасти.

Внизу в холле заметно нервничала Мартина. Она уставилась на меня, как на привидение.

– Я не могу, я решила не ехать, верните мой паспорт. Извините, – только и сказала я обессиленным голосом.

Мартина была ошарашена, она не произнесла ни слова, вернула мне паспорт и удалилась. Тягостный момент закончился, и я была рада этому.

Что-то вмешалось и почти физически меня не пустило. Причину своего состояния после мистической ночи я была склонна приписать духу тёти Киры, которая для того и умерла, чтобы я никуда не уехала. Судьбу не обманешь.

По дороге на вокзал я постепенно успокоилась, так действует полная определенность. Слетело с плеч всё, что давило и угнетало в последнее время. Я прошла над пропастью, ощутила её смертельный холод и вновь вернулась к себе прежней. Ну и ладно, всё, что ни делается – к лучшему. Зато теперь дочка будет не одна, и это уже хорошо. Завтра мы вместе с Ильей и Ритой подумаем о том, как нам жить в Петербурге. Дети – вот моё достояние и счастье. А сейчас нужно срочно переключиться на что-нибудь другое. Заграница отошла на задний план.

В ожидании поезда я бесцельно бродила по вокзалу, подошла к книжному киоску, и мой блуждающий взгляд упал на небольшую книжку в мягком переплете – «Воин света» Пауло Коэльо. Кажется, моя тольяттинская подруга упоминала это имя и страстно рекомендовала прочесть. Сейчас был хороший повод скоротать время до поезда. Ничего более подходящего для меня в тот момент не могло и быть. Я проглотила книжку в мгновение ока, тут же купила ещё одну – «Алхимик» и читала запоем всю дорогу, словно пила успокаивающий бальзам. Что-то отстраненное вроде философской сказки для взрослых, но очень полезное тому, кто находится на перепутье. В книжке говорилось о том, что всё в жизни неслучайно, и нужно смело смотреть в лицо своей судьбе.

Мысли мои были далеко от Москвы и несостоявшейся Великобритании. Проблема отъезда отпала сама собой и больше не мучила меня. Я вновь была свободным человеком в своей привычной, хоть и неустроенной среде. – «Заграница нам поможет» – посмеялась я над словами Остапа Бендера, а заодно и над собой.

Все пассажиры спали, и я им завидовала, потому что не могла спать сидя. О, как я не люблю сидячие места в долгой дороге, но у них есть одно достоинство – они дешёвые. В тёмное окно врзались лучи света от проносящихся мимо станций. Под мерный стук колёс хорошо думалось и по привычке, которая появилась у меня в последнее время, я снова ушла мыслями в прошлое.

Я отработывала последний год по направлению и мечтала все изменить. Но как? Мне 24 года и я не люблю свою профессию. Я не знала, что любимая работа – редкая роскошь, особенно для женщины. Далее – никакой личной жизни и ужасное одиночество. Я научилась жить сама с собой, книги по-прежнему были моими лучшими друзьями. Восемь лет самого цветущего возраста я высушила ненужной мне наукой и делала то, что не хотела. Во имя чего? И что для меня главное в жизни?

Я вспомнила, как услышала новость от тёти Киры, и как больно она меня ударила.

– Таечка, Вадим женился.

Что же в этом удивительного? Он ведь не монах. Внутри меня установилась тишина, которой нет названия, и только зеркало узнало мою боль и безотрадность.

Я стала вспоминать все мелочи, слова и подробности, чтобы составить картину прошедшего и хоть что-нибудь понять.

Надька не раз говорила о той, с которой Вадим якобы по временам встречался, но настолько пренебрежительно, что я не придавала этому значения.

– Зачем ты связался со старой бабой? – рассказывала она со слов его друзей.

А однажды мы с Ирккой увидели ее, когда прогуливались по городу. Вадим шёл с ней под ручку нам навстречу. Мы все друг другу едва кивнули, а Ирка прошептала:

– Какой ужас!

Девушка была худой и щуплой, что ещё больше подчёркивалось сильно облегающим её платьем из розового кримплена. Тёмные волосы были высоко взбиты в виде львиной головы. На наш вкус это было слишком претенциозно. Она была далеко не красавицей, несколько грубоватой, но странным образом, я и эта девушка были чем-то похожи, одного типа внешности.

В третий раз я видела их вдвоём уже глубокой осенью на вокзале. Мама провожала меня в Минск, и я показала ей Вадима, о котором она только слышала от тётки Киры, но никогда не видела.

– Да, он настоящий, в смысле видный, парень, а она?!... – только и сказала мама.

Я знала, что мать Вадима строга и осуждает девушек, которые вешаются на шею парням. Однажды она спросила тётку Киру:

– Говорят, у вас есть племянница?

– Есть и живёт у меня.

– Вадим так удивил меня вчера, говорит за ужином, – Мама, мне, наверное, нужно жениться, чтобы не свихнуться. – Надо же! Прямо насмешил. А вообще, у него хороший характер, им легко руководить.

Я думала, что бы это могло значить. В сердце вспыхивала робкая надежда, но, по какому-то заговору судьбы, мы были недостижимы один другому.

После его женитьбы тётка Кира периодически заводила о нем речь, не зная, какую рану наносит мне каждый раз.

– У Вадима родилась дочь, а он не поехал даже в роддом за ребёнком, забирал его отец. Но они приличная семья, и не могли допустить, чтобы девочка росла сиротой.

В следующий раз она восхищалась:

– Он оказался таким хорошим семьянином. Я видела, как он гулял с дочкой – и попрыгает с ней, и на руки возьмёт, и все с прибаутками.

Я долго не могла освободиться от этой своей непонятной любви и в студенческие годы теряла поклонников. Мама говорила,

– Надо бы подумать о замужестве. Хорошо, чтобы муж был хозяйственным. А любовь – что? Главное, чтобы в подоле не принесла, а то мне тогда хоть в петлю.

Мне было тошно, и я избегала разговоров на эту тему.

Конец августа 1976 года. Смысл моей жизни определялся теперь ближайшими целями, отдалённое будущее было покрыто мраком и не сулило ничего хорошего.

Посвежевшая от летнего отдыха, я с удовлетворением осмотрела себя в зеркале – синий костюм, сшитый своими руками, ловко сидел на фигуре, красивый белый воротник с вышивкой ришелье обрамлял круглый вырез – в этом наряде я пойду на последнюю линейку 1 сентября. Чистые блестящие волосы были схвачены высоко надо лбом шарфиком из тонкого шелка, открывая четкий изгиб бровей. На ногах в тон костюму – белые с синим босоножки.

– Скорей бы уже доработать этот последний год, – вздохнула я и поехала на Полесский вокзал, который был неотъемлемой частью моей жизни уже несколько лет. В электричке я держала на коленях толстый иллюстрированный словарь французско-русского языка – моё очередное увлечение.

В Столбцах все пассажиры обычно пересаживались на другой поезд, который шел до Минска. При выходе я зацепилась случайным взглядом за окошко соседнего тамбура и увидела... лицо Вадима! Какая неподдельная радость отразилась, вероятно, на моем лице, ведь я почти научилась не скрывать свои чувства.

На перроне я протянула ему руку.

– Здравствуй.

Вадим широко улыбался – он тоже был рад. Почти два часа до Минска, вдвоём – какой подарок судьбы! Вот для кого я так тщательно одевалась. Учительское ремесло научило меня заполнять нежелательные паузы, и разговор между нами потёк легко и непринуждённо. Вадим немного отяжелел фигурой и выглядел солиднее. Я посмотрела на его правую руку, там красовалось широкое обручальное кольцо.

– Вот женился, – смущаясь или оправдываясь, произнёс он, глядя в пол.

– Поздравляю.

Я перевела разговор в более безобидное русло, о его учебе, он три года уже был в студентах на своем электротехническом факультете. Потом похвасталась,

– А мне остался последний учебный год, и я буду свободна, как птица.

– Да, не каждый так сможет – взять и поехать на периферию, – польстил мне Вадим.

– А куда было деваться? Спасает хобби, – я показала ему французский словарь. – А когда подступают воспоминания, то и бокал хорошего вина. При этих словах я посмотрела Вадиму прямо в глаза. Его вопрошающий взгляд поглотил все моё существо, но в нем нечего было прочесть, как и в моем сердце.

К чему это, – опомнилась я, стяхивая наваждение. Все уже в прошлом. Неужели в прошлом? Что за загадка для меня Вадим? Нет, это не он, а я для себя загадка, в том, что не узнала, не смогла, не захотела узнать его. Почему? Гордость, трусость, страх или что-то другое?

Весь остаток пути мы молчали. Это немного тяготило, и я встала у открытого окна. Лёгкий, ещё тёплый августовский ветерок и нежаркое солнце расслабили меня, мне снова стало легко, и я улыбнулась Вадиму.

В Минске мы ещё некоторое время ехали в трамвае и попрощались долгим непонятым взглядом. Ещё один кусочек счастья, которым я жила вплоть до весны.

Год пролетел незаметно, отзвенел последний звонок и впереди остались только выпускные экзамены. Я ликовала, что больше не придется вести уроки, ломать себя и играть роль учительницы. Вопреки всему ученики стали мне дороги, но я старалась об этом не думать, дабы не впасть в сентиментальность.

У меня появилось больше свободного времени. В мае мой день рождения, и тётя Кира всегда дарила мне что-нибудь красивое и полезное. Я ехала домой, чтобы, как обычно отметить этот день в семейном кругу. В Минске я решила, что спешить ни к чему, можно приехать домой вечерней электричкой, а напоследок прогуляться по городу, который особенно хорош в это время года.

Я прошлась вдоль корпусов химфака, завернула на улицу Октябрьскую к своему бывшему общежитию – все наведало воспоминания весёлых студенческих лет. Веселья хватало, потому что великая сила молодости перемалывала все невзгоды. Мне было хорошо – впереди желанная свобода, я будто прощалась с каким-то этапом жизни.

Пройдя через стадион Динамо, я вышла на главную улицу Ленинский проспект и долго шла, пока не оказалась перед общежитием Политехнического института. Потом, подчиняясь все той же молодой силе, я купила в ближайшем магазине бутылку шампанского и прошла мимо вахтера, словно так было задумано давно. Ноги несли меня сами, и я оказалась на четвёртом этаже именно в ту минуту, когда по коридору навстречу мне шёл Вадим. Он не удивился – как будто мы заранее договорились. Что это? Совпадение или он увидел меня из окна?

– О, Таиса! – он деловито взял бутылку, и повёл меня в комнату. Мы были одни.

– Я пришла отметить своё освобождение и заодно попрощаться, – объяснила я.

– Ты куда-то уезжаешь?

– Да, далеко, – соврала я. Если бы я знала, как это было близко к правде.

Вадим не спросил, куда именно я собираюсь. Он был не любопытен, даже деликатен и не задавал лишних вопросов. В мгновение ока шампанское было открыто и пенилось в больших бокалах. Мы не стали чокаяться – это было бы пошло. Не стали вести и светских разговоров, как тогда в электричке. Я посмотрела на гитару над кроватью.

– Ты ещё играешь? – он кивнул.

– Сыграй, – попросила я.

Он тронул струны и стал негромко напевать известную песню «Есть только миг между прошлым и будущим...».

– Это моя любимая песня, раньше не нравилась, а теперь нравится, – сказал Вадим и снова наполнил бокалы.

А ведь он поёт о своем теперешнем ощущении жизни. Счастлив ли он, хотелось бы мне знать?

Тут вдруг открылась дверь, и чары были разрушены. На пороге стоял сосед Вадима по комнате Виталий и широко улыбался. Вадим представил меня как свою одноклассницу, и я состроила подобие вежливой улыбки. Вслед за этим пришли парень с девушкой – партнёры по бальным танцам. Потом Вадима позвали. Он вышел, а когда вернулся, то извинился и стал куда-то собираться. Приятели позвали его поиграть в волейбол на Минском море, чтобы не терять прекрасные деньки. Мне стало обидно, ведь до моей электрички ещё четыре часа. Вадим попрощался и препоручил меня заботам Виталия, чему тот был несказанно рад.

Это был симпатичный голубоглазый шатен, крепкого сложения и среднего роста, с располагающей белозубой улыбкой. В голове у меня бродило шампанское, звучала песня Демиса Руссоса «Сувенир», мы сидели и о чем-то беспрерывно говорили. За разговором я совершенно потеряла чувство времени, а когда хватилась, поняла, что опоздала на последнюю электричку.

– Оставайся здесь, куда ты пойдёшь? – предложил Виталий.

Я сидела, схватившись за голову – что скажет Вадим? Так мы и сидели в неловком ожидании.

Вадим и в самом деле был очень удивлён, но потом всё решил очень просто и неожиданно – он предложил мне свою койку, а сам ушёл ночевать к сокурснику. Что же это? Я буду спать в постели... Вадима?

Когда Вадим уходил он несколько раз объяснил мне, каким полотенцем вытираться. Что он тогда думал и чувствовал, я не узнаю никогда. Я осторожно присела на край кровати, мне хотелось плакать. Виталий уловил моё настроение.

– Я знаю про тебя и Вадима.

– Расскажи что-нибудь о нём.

– Что рассказывать? Приходит тут к нему одна.

– Какая она?

– Такая же, как ты. – Надо же, все на меня похожи, и жена, и любовница.

Виталий подошёл и погладил мои волосы, потом прикоснулся губами к щеке, словно хотел утешить. Какой славный парень, почему бы мне его не полюбить? Но разве так бывает? Мне теперь все равно.

В ту ночь я сгорела дотла и ушла на рассвете, так и не тронув постель Вадима. Больше я никогда его не видела.

В конце лета я покинула Белоруссию и разом освободилась от всего – от нелюбимой работы, от Зиновия и от чувства. Если бы я знала тогда, каким игрушечным было это первое чувство по сравнению с тем, что ожидало меня впереди.

Мы проезжали Детское село, и среди пассажиров началось движение. В детстве я увидела проездом Ленинград и мечтала когда-нибудь во взрослой жизни оказаться в этом красивом городе. Что ж, хочу я этого или нет, но моё желание осуществилось.

В прошлом остались одни миражи, и теперь лицом к лицу меня ждала жизнь, такая, какая она есть.

БЕГ ПО КРУГУ

Часть 2

ГЛАВА I

Осень выдалась в Петербурге тёплая, погожая, лучше весны. Недаром Пушкин любил это время года.

Илья начал посещать лекции на факультете шоу-бизнеса. Мне не нравилось всё, что имело отношение к шоу-бизнесу, но я верила Илье и не мешала ему лепить свою жизнь, как он хотел.

– Дело не в факультете, у нас есть предметы, которые развивают личность, а это дорогого стоит, – объяснял он мне.

У Риты всё по-другому – она еще не знала, чего хочет, и желания её ограничивались пока количеством съеденного шоколада, просмотром телевизора и раскладыванием пасьянса на компьютере, а Петровский колледж был необходим ей на первых порах, чтобы получить хорошее базовое образование.

Для начала всё было неплохо, если не считать отсутствие какого-либо плана жизни в Петербурге. Я была морально не готова к этому.

Вечером мы сидели каждый в своем углу нашей тесной комнатухи. Илья создавал на компьютере свой первый музыкальный альбом, я читала книжку, а Рита хрустела чипсами на своей кровати у телевизора – фонировала от нас. Она сказала,

– Мне всё время кажется, что мы так и продолжаем ехать на поезде, и это не комната, а трехместное купе.

– По сути, так оно и есть – мы едем, пока неизвестно куда, предположительно в светлое будущее. А пока у нас – ни жилья, ни прописки, хотя газеты и столбы пестрят объявлениями – очередной лохотрон, – заметила я.

Илья проницательно подвел итог,

– Такое впечатление, что одна часть населения пытается нагреть другую, и этим заняты все.

– Да, все знают, но продолжают играть в эту игру. Придется и нам поиграть – сделать левую регистрацию на полгода, потом найти работу, а там подумаем, что делать дальше.

В дальнем уголке моего сердца затаилась маленькая надежда на покупку хотя бы самого захудалого домика в Ленобласти не только ради прописки – я продолжала тосковать по земле. Кроме того меня беспокоил наш плутоватый хозяин.

Соседка Галя знала кое-какие его «мокрые» дела.

– В вашей комнате раньше жил некий Слава, пьющий, как и ваши теперешние соседи. Хозяин стал его еще больше спаивать, а потом в нужный момент подsunул на подпись бумагу и, таким образом, лишил законного жилья. Его сестра – директор агентства недвижимости, через которое ты сняла комнату. Они там всей бандой дела творят – вылавливают таких, как Слава. Говорят, его уже нет в живых. Теперь очередь Сашки.

– Какой кошмар! Теперь понятны странные слова хозяина, – и не надо приставать к соседу с разговорами типа – может, за ум возьмешься, пить перестанешь.

«Черные риелторы» – так называли в Питере подобных мошенников от недвижимости. Каждый раз, когда хозяин приходил за квартплатой, его маленькие алчные глазки бегали по комнате, и я решила, что лучше принимать его на кухне. Каждый раз я опасалась, что он повисит плату, а мы никуда не денемся, кроме как на улицу или в агентство, где берет еще

дороже. Мне было невдомек, например, что договор лучше заключать не на полгода, а на год, и, кроме того, нужно очень внимательно проверять ордер на жилье.

– Ну, как у нас дела? – осведомлялся хозяин, приходя в очередной раз за деньгами. – Как наши соседи? Я с содроганием смотрела на жирную лоснящуюся физиономию, странно блестящие глазки, маленькие пухлые ручки. Это совсем не праздный вопрос – он ждал ответа и был не прочь поболтать.

– Пьют с утра до вечера.

– Жертвы перестройки, – лицемерно вздыхал он.

– Да, Питер – город контрастов, – соглашалась я, чтобы не молчать.

– Большой город. Здесь присутствуют все пороки. Почитайте классику – король Лир, например, – глубокомысленно заметил он однажды.

Среди мошенников, оказывается, встречаются философы, – изумилась я.

Тем не менее каждые полгода нам повышали плату за комнату на достаточно ощутимую сумму.

Расслабляться не приходилось, я накупила кучу газет и села на телефон. Работы в Петербурге было море, но все не про меня. Требовались молодые, с высшим образованием и постоянной Питерской пропиской даже для уборщиц. А все, что на первый взгляд привлекало приличной зарплатой без ограничивающих условий, оказывалось просто приманкой – ненавистным мне сетевым маркетингом. В который раз у меня появился повод посетовать на свою, не приносящую радость, профессию. В условиях выживания это особенно чувствуется, ведь бороться за то, что нравится, гораздо легче, и рано или поздно увенчивается успехом. А какая у меня причина для вдохновения? Никакой. С прискорбием обнаружила я в газетах немалое число вакансий для переводчиков – моя несбывшаяся мечта, – причем, хорошо оплачиваемая и без возрастных ограничений. И это естественно. Талантливых переводчиков можно пересчитать по пальцам, и дело здесь, на мой взгляд, не только в практике, а в величайшей культуре и определенном складе ума, хотя изучают язык и считают себя знающими огромное количество людей.

Ничего подходящего в газетах я так и не нашла и обратилась в платное агентство по трудоустройству. Были работодатели, которые смотрели на статус сквозь пальцы, чтобы не платить налоги. К такому работодателю я и попала. Меня взяли администратором бильярдного зала в ночной клуб «Аризона» в индейском стиле, за четыре тысячи рублей в месяц. Работать нужно было сутки через двое.

При таком графике моя жизнь превратилась в дурную бесконечность, состоящую из грохота музыки, сигарного чада, холодного трамвая по утрам и полуголодного сидения, так как взятой с собой еды на сутки не хватало, а дешевый комплексный обед был несъедобен. Выдержала я там всего две недели и слегла с температурой. Заплатили мне меньше положенного, этому не приходилось удивляться. Так закончился мой первый опыт работы в Санкт-Петербурге. Единственным приобретением от этого места была моя сменщица, которая стала моей первой Питерской приятельницей, а наши добрые отношения сохранились до сих пор.

Началась депрессия. Особенно по ночам. Я не могла уснуть и плакала все ночи напролет, засовывая в рот уголок подушки, чтобы подавить рыдания. Ко мне подступал безотчетный ужас, впереди маячили картины, одна хуже другой. Я представляла себя нищенкой или старушкой, которых не раз видела стоящими на паперти или у метро с протянутой рукой. Под утро, когда дети расходились по своим учебным заведениям, я едва забывалась сном. Потом вставала с опухшим лицом и снова впадала в уныние. Я была в растерянности, в тупике и никак не могла взять себя в руки. Мне было стыдно за себя, и это были мои самые тяжелые дни.

– Я же оптимистка, и мне всегда удавалось преодолевать невзгоды, почему же теперь я так раскисла? Разве это в моем характере? Вот случай помериться силой с обстоятельствами,

которые, как говорят, сильнее нас. И какой пример я подаю детям? – Так я рассуждала, ходя из угла в угол по комнате.

Не знаю, что чувствовал мой сын, но его невозмутимость была для меня поддержкой, соломинкой, за которую я инстинктивно хваталась. Дочь прекрасно знала о моих бессонных ночах, но тоже держалась молодцом. Только моей депрессии в один прекрасный момент пришел конец.

Рита сидела за уроками и вдруг заплакала.

– В чем дело? – встревожилась я.

– Мы сегодня на уроке социологии проходили группы людей, так вот, оказывается, мы бомжи, – проговорила она охрипшим от расстройства голосом, утирая слезы.

В эту минуту мое сердце было готово разорваться от жалости, но еще больше от злости на саму себя. – Да как это я позволила себе так опуститься. Внезапно меня охватило воодушевление, и я приказала себе, – Хватит, по крайней мере, я сделаю все от меня зависящее, чтобы выбраться из этой ямы. Я бросилась к Рите и прижала ее к себе:

– Доченька, бомжи – это те, кто предпочитает жить на улице, даже если у них есть квартира. Это образ жизни, а не отсутствие жилья. Таких, как мы много, особенно в мегаполисах, не говоря уже о загранице. Там, вообще, принято снимать жилье. Ты учишься, мы будем работать, и все у нас будет хорошо. Зато в нашем положении есть и плюсы – мы не остановимся в развитии, а преодолевая трудности, возможно, добьемся в жизни чего-то большего. Да здравствуют трудности! Мы просто обречены на успех, – завершила я свою речь с улыбкой, ибо мне самой стало легче от этих слов.

Рита тоже улыбнулась сквозь слезы, и это было самое лучшее для меня за последние недели.

С удвоенной энергией я принялась искать работу, а чтобы застраховать себя от подобных состояний, решила записаться в бассейн и приобрести подходящий гардероб. Мне срочно нужно сменить свой вынужденный стиль «унисекс» – «леди-бомж» на элегантно-деловой. Отныне мой девиз – радоваться жизни и неустрашимо смотреть в лицо своей судьбе. Деньги еще есть – значит, их нужно использовать по прямому назначению.

Следующим утром я отправилась на рынок в Апраксин двор за покупками. Потолкавшись немного в рядах, я присмотрела себе симпатичный свитерок – впереди была зима, а у меня ничего приличного из одежды с момента переезда не было. Кто-то сильно прижался к моему левому боку, там, где висела на плече сумка. Я хотела было уже расплатиться, как... кошелек в сумке не оказался. Там находилась достаточно большая сумма – семь тысяч рублей.

Как потерянная, я побрела прочь, не зная, что делать. Это было мое первое посещение известного рынка в самом центре Питера, и я поклялась, что больше никогда не пойду в этот рассадник воровства.

На книжке оставались последние двадцать тысяч, которым тоже скоро придет конец, а у нас еще никто не работает. Через неделю платить за комнату и делать очередной взнос за учебу детей. Мне стало душно, я присела на первую попавшуюся скамейку у Гостиного двора, расстегнула ворот куртки и нащупала золотую цепочку – подарок Клары. Зачем она мне теперь – украшений я не носила и раньше. Сдам ее в ломбард, все же какие-никакие деньги. И вдруг мне ясно вспомнился разговор двух женщин, идущих передо мной на рынок,

– Пошли в Апражку, там дешевле.

– Да ну, еще ограбят.

Я усмехнулась, – это было, без сомнения, предупреждение свыше.

Дома вечером я, все же, не смогла сдержать слез. Теперь наступила очередь дочери утешать меня.

– Ну, мамочка, наплевать на эти дурацкие деньги, – бросилась она ко мне с объятиями.

А Илья сказал в своей невозмутимой манере:

– Ну что ж, значит, пришло время бросить институт и устраиваться на работу. А что мне там ловить? Только деньги зря переводить. Все, что мне было нужно, я за эти полгода взял и смогу развиваться самостоятельно. Курсы какие-нибудь закончу, например, по наладке компьютеров или диджеев – тут я поморщилась – не переносила я эту сферу, но предпочитала не вмешиваться, полагая, что сын сам со временем во всем разберется. Так оно и вышло.

Илья выучился на диджея и получил диплом в виде грамоты, которой очень гордился. Потом он устроился в кафе «Мари Жозе», владельцем которого был негр. Ездил три – четыре раза в неделю на ночь в самый отдаленный район города и возвращался утром насквозь пропахший сигаретным дымом, так что в нашей маленькой комнате становилось нечем дышать. В первую же ночь такой работы у него украли куртку, но вскоре вернули, не найдя чем поживиться, кроме пятнадцати рублей и карточки на проезд. Мне ужасно не нравилась его работа, а вернее, среда, публика и весь этот образ жизни, поэтому я вздохнула с облегчением, когда он оттуда ушел, так же как и я, с недоплатой.

Началось хождение с одной работы на другую – сначала продавец – консультант в мебельном магазине, затем в строй торге – везде хамство, крохоборство и пьянка, пока, наконец, он не оказался по моему совету на стройке в качестве сантехника. Там задержался подольше, хотя тоже сменил пару строек, пока не нашел то, что его по меньшей мере устраивало.

Я же в своих поисках не нашла ничего лучшего, как вновь обратиться к своей специальности.

– По крайней мере, твоя химия никогда тебя не подводила, – мудро заметила дочь.

Она оказалась права – здесь меня ожидала удача, если можно так сказать. Пришла я к ней необычайно затейливым путем. Получив на бирже труда распечатку вакансий, я обнаружила, что здесь мне тоже ничего не светит, и пришла в дурное расположение духа. Приличная зарплата была обратно пропорциональна возрасту. Оставались два места в конце списка – лакокраска (смертельный для меня случай) и какой-то с длинным названием научно-исследовательский институт с крайне низкой зарплатой – 3000 рублей, который я не удостоила даже вниманием, и обречённо поехала на лакокрасочный завод, там платили больше – 5000 рублей в месяц.

После собеседования мне показали производство. Грохот и химический запах напомнили мне о моей заводской молодости, но делать было нечего, и я отправилась на медосмотр. Мое слабое здоровье не раз оказывало мне услугу. Когда-то давно, в Тольятти, при устройстве в цех циклогексанона (органика, которая делала людей инвалидами к концу трудового стажа) меня забраковали из-за шумов в сердце – отзвук моего давнишнего заболевания, и направили в лабораторию контрольно-измерительных приборов. В 1979 году была особенно холодная зима, стояли сорокаградусные морозы, и тот первый цех, куда я не попала, взорвался. Погибла вся смена, и я могла находиться среди них. Я видела это место, оно производило ужасающее впечатление. Огромные черные трубы переплелись друг с другом в каком-то безумном и жутком хаосе, словно клубок огромных обугленных змей.

Старенькая врач послушала меня и спросила:

– Вы такая худенькая, туберкулезом не болели?

– Нет, что вы! Просто в последние годы часто бывали простуды.

Она взглянула на результаты анализов и покачала головой,

– Если вам нужна эта работа, я подпишу заключение, но не советую с вашим здоровьем.

– Подписывайте, – вздохнула я.

По пути домой я просто так, ради чистоты эксперимента, завернула в институт, который занимал последнее место в моем списке. Оказалось – не зря. Меня приняла начальник отдела кадров – старушка с хриплым голосом, лиловатым носом и редкими коротенькими волосами, сквозь которые просвечивала лысина. Она так увлеченно рассказывала о главном подопеч-

ном института – грибе Аспергиллус Нигер, что невольно заразила меня своим настроением. Я согласилась пройти к директору – почему бы и нет.

– Вы когда-нибудь занимались стандартизацией? – задала мне вопрос темноволосая женщина с круглым лицом, которая скорее напоминала заведующую продуктовым магазином, а не директора научно-исследовательского института. Из своего студенчества я вынесла совершенно другой образ человека науки. Это должен был быть сухощавый, активный, слегка нервный тип с умным и немного рассеянным взглядом, но никак не полноватая, спокойно и уютно устроившаяся на стуле тетенька, сложившая на животе свои пухлые руки купчихи. Тем не менее она оказалась неглупой – ум может обитать в самых разных оболочках.

– У нас освободилась вакансия, так как работник уходит на пенсию, и в связи с этим оголяется отдел. Мы вам предлагаем нечто лучшее, чем химия. Зачем вам химия в вашем возрасте (золотые слова), тем более что на обучение в лаборатории уйдет немало времени. Кроме того, зарплата небольшая только на первых порах, из года в год она растет – у вас будет перспектива. Я сидела и тихо млела, уже предчувствуя свое решение. Директор изучила мою трудовую книжку, и мои последние сомнения улетучились после ее слов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.